

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
RESTRICTED*

CAT/C/34/D/233/2003**
24 May 2005

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК
Тридцать четвертая сессия
2-20 мая 2005 года

РЕШЕНИЕ

Сообщение № 233/2003

<u>Представлено:</u>	Г-ном Ахмедом Хуссейном Мустафой Камилем Агизой (представлен адвокатом г-ном Бу Йоханссоном, Шведский центр по консультированию беженцев)
<u>Предполагаемая жертва:</u>	Заявитель
<u>Государство-участник:</u>	Швеция
<u>Дата представления жалобы:</u>	25 июня 2003 года
<u>Дата решения о приемлемости:</u>	19 мая 2004 года
<u>Дата настоящего решения</u>	20 мая 2005 года

* Публикуется по решению Комитета против пыток.

** Переиздано по техническим причинам.

Предмет (существо) - высылка подозреваемого террориста из Швеции в Египет по соображениям государственной безопасности после сокращенной процедуры и получения дипломатических заверений

Вопросы (существо) - процедурные обязательства по статье 3 - существование реальной опасности применения пыток после высылки с учетом предоставленных дипломатических заверений и последующих событий - соблюдение обязательства сотрудничать с Комитетом

Статьи Конвенции - 3 и 22

20 мая 2005 года Комитет против пыток принял прилагаемый проект в качестве решения Комитета в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции в отношении сообщения № 233/2003. Текст решения прилагается к настоящему документу.

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания

Тридцать четвертая сессия

относительно

Сообщения № 233/2003¹

Представлено: Г-ном Ахмедом Хуссейном Мустафой Камилем Агизой (представлен адвокатом г-ном Бу Йоханссоном, Шведский центр по консультированию беженцев)

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 25 июня 2003 года

Комитет против пыток, созданный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 20 мая 2005 года,

рассмотрев жалобу № 233/2003, представленную Комитету против пыток г-ном Ахмедом Хуссейном Мустафой Камилем Агизой в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем и государством-участником,

¹ Текст особого (частично несогласного) мнения члена Комитета г-на Александра Яковлева прилагается к настоящему документу.

принимает следующее решение:

Решение Комитета в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителем является г-н Ахмед Хуссейн Мустафа Камиль Агиза, гражданин Египта, родившийся 8 ноября 1962 года, который во время представления жалобы содержался под стражей в Египте. Он утверждает, что его высылка Швецией в Египет 18 декабря 2001 года явилась нарушением статьи 3 Конвенции; он представлен адвокатом, который действует по доверенности, выданной отцом заявителя. Самому заявителю, находящемуся под стражей, как утверждается, не разрешается подписывать какие-либо документы внешнего характера без специального разрешения государственного прокурора Египта, и, согласно адвокату, ожидать выдачи такого разрешения не приходится.

Факты в изложении заявителя

2.1 В 1982 году заявитель был арестован на основании его семейных связей со своим двоюродным братом, арестованным по подозрению в соучастии в убийстве бывшего президента Египта Анвара Садата. До его освобождения в марте 1983 года заявитель, как утверждается, подвергался пыткам. Заявитель, являвшийся в университете активистом исламского движения, завершил учебу в 1986 году и вступил в брак с г-жой Ханан Аттиа. Ему удалось избежать полицейского розыска, однако он столкнулся с такими трудностями, как, например, арест его адвоката, когда в 1991 году он возбудил гражданский иск против министерства внутренних дел за причиненные ему страдания во время тюремного заключения.

2.2 В 1991 году заявитель по соображениям безопасности перебрался из Египта в Саудовскую Аравию, а затем - в Пакистан, где к нему присоединились жена и дети. После того, как египетское посольство в Пакистане отказалось продлить их паспорта, семья в июле 1995 года по поддельным суданским документам перебралась в Сирию, с тем чтобы дальше проследовать в Европу. Это сделать не удалось, и семья перебралась в Иран, где заявителю была предоставлена университетская стипендия.

2.3 В 1998 году в отсутствие заявителя в Египте было проведено судебное разбирательство в Высшем военном трибунале по обвинению его в террористической деятельности вместе с более чем ста лицами, проходившими по тому же делу. Он был признан виновным в принадлежности к террористической группе "Аль-Джихад" и приговорен без права на обжалование к 25 годам тюремного заключения. В 2000 году, обеспокоенные тем, что улучшение отношений между Египтом и Ираном может привести

к его выдаче Египту, заявитель и его семья по документам поданных Саудовской Аравии приобрели авиабилеты в Канаду и 23 сентября 2000 года во время транзитной остановки в Стокгольме, Швеция, обратились с просьбой о предоставлении убежища.

2.4 В своем ходатайстве о предоставлении убежища заявитель утверждал, что его заочно приговорили к "пожизненному тюремному заключению" на основании террористической деятельности, связанной с исламским фундаментализмом², и что в случае возвращения он будет казнен, как уже, согласно утверждениям, были казнены другие обвиняемые. Его жена заявила, что в случае возвращения она будет помещена под стражу на долгие годы как супруга заявителя. 23 мая 2001 года Совет по вопросам миграции запросил мнение по данному вопросу Шведской полиции безопасности. 14 сентября 2001 года Совет по вопросам миграции провел "серьезный опрос" автора, а еще один опрос состоялся 3 октября 2001 года. В течение этого месяца сотрудники полиции безопасности допрашивали автора. 30 октября 2001 года полиция безопасности информировала Совет по вопросам миграции о том, что заявитель является одним из руководителей организации, занимающейся совершением террористических актов, и несет ответственность за деятельность этой организации. В этой связи Совет по вопросам миграции 12 ноября 2001 года передал дело заявителя правительству в соответствии с разделом 11(2)(2) главы 7 Закона об иностранцах. На основании имеющейся в его распоряжении информации Совет пришел к выводу о том, что заявитель может рассматриваться в качестве лица, имеющего право на получение статуса беженца, однако заключение полиции безопасности, которое Совет не нашел основания подвергать сомнению, предполагало принятие иного решения. Таким образом, сопоставить на чашах весов возможную потребность заявителя в защите с заключением полиции безопасности должно было правительство. 13 ноября 2001 года Апелляционный совет по делам иностранцев, мнение которого запросило правительство, поддержал проведенный Советом по вопросам миграции анализ дела по существу и также счел, что решение по данному вопросу должно принять правительство. Заявитель в соответствующем заявлении отрицал принадлежность к организации, о которой говорится в заявлении полиции безопасности, утверждая, что одна из указанных организаций является не политической организацией, а публикацией на арабском языке. Он также утверждал, что в письме в одну из газет он критиковал Усаму бен Ладена и афганских талибов.

2.5 18 декабря 2001 года правительство отклонило ходатайства заявителя и его жены о предоставлении убежища. По просьбе государства-участника и с согласия Комитета из текста настоящего решения исключены основания, на которых были приняты эти

² Адвокат объясняет отклонение от формулировки фактического приговора тем, что 25-летний срок тюремного заключения равносителен пожизненному заключению, поскольку мало кто может выдержать столь продолжительное пребывание в тюрьме.

решения. Вследствие этого было отдано распоряжение о высылке заявителя и его жены в возможно кратчайшие сроки. 18 декабря 2001 года заявитель был выслан, а его жена скрылась от полицейского надзора.

2.6 23 января 2002 года посол Швеции в Египте встретился с заявителем в тюрьме Мазраат-Тора под Каиром³. В тот же день родители заявителя имели первое свидание со своим сыном. Они утверждают, что, когда они встретились с ним в помещении тюремного надзирателя, его поддерживал сотрудник тюрьмы, он находился в состоянии почти полного упадка сил, едва мог пожать руку матери, был бледен и в состоянии шока. Его лицо, особенно вокруг глаз, а также его ноги были отеками, его щеки и окровавленный нос казались более толстыми, чем обычно. Как утверждается, заявитель сказал своей матери, что после ареста шведскими властями он был подвергнут грубому обращению. В течение восьмичасового перелета в Египет под стражей представителей египетских властей он, как утверждается, был связан по рукам и ногам. По прибытии он, как утверждается, был подвергнут "изоощренным методам допроса" сотрудниками служб безопасности Египта, которые сказали ему, что гарантии египетского правительства в отношении него бесполезны. Заявитель сказал своей матери, что к нему было применено специальное электрическое устройство с электродами, подсоединенными к его телу, и что электрошок использовался в том случае, если он не реагировал надлежащим образом на приказы.

2.7 11 февраля 2002 года заявителя посетил в тюрьме корреспондент шведского радио. По словам корреспондента, заявитель передвигался с трудом, однако каких-либо следов пыток заметно не было. В ответ на вопрос адвоката корреспондент заявил, что он прямо спросил заявителя о том, были ли применены к нему пытки, и что тот сказал, что не может ответить на этот вопрос. После этого первого посещения заявителя неоднократно смогли посетить посол и другие шведские дипломаты. Заявитель утверждает, что, как можно было понять из дипломатических посланий до марта 2003 года включительно, с заявителем обращались "относительно неплохо" и что, если даже условия содержания в тюрьме были суровыми, пытки к нему не применялись.

2.8 16 апреля 2002 года родители заявителя вновь имели свидание со своим сыном. Он, как утверждается, сказал своей матери, что после январского свидания он опять подвергнулся электрошоку, а в течение последних десяти дней содержался в одиночном заключении. Его руки и ноги были связаны, и ему не разрешалось ходить в туалет. На следующем свидании он сказал своим родителям, что по-прежнему находится в

³ Адвокат заявляет, что нижеследующая информация о местопребывании и состоянии заявителя исходит из шведских дипломатических источников, от родителей заявителя, корреспондента шведского радио и египетского адвоката заявителя.

одиночном заключении, но уже не в связанном состоянии. Ему разрешали ходить в туалет раз в день; содержался он в холодной и темной камере. Он якобы спросил свою мать, имея в виду охранника: "А ты знаешь, что он делает со мной по ночам?" Ему также было заявлено, что его жена вскоре будет возвращена в Египет и что она и его мать подвергнутся сексуальному надругательству в его присутствии. В последующем - до июля 2002 года - родители заявителя имели с ним свидания раз в месяц, а затем - два раза в месяц. Согласно адвокату, есть информация о том, что заявитель содержится в камере площадью 2 м², что в этой камере специально поддерживается холод, что в ней темно и нет матраса. Как утверждается, его выходы в туалет ограничиваются.

2.9 В декабре 2002 года египетский адвокат заявителя г-н Хафиз Абу Саада, который возглавляет одну из египетских правозащитных организаций и осведомлен о местных условиях содержания под стражей и методах ведения допроса, встретился в Каире с главой Международного центра им. Улофа Пальме г-ном Томасом Хаммарбергом. Г-н Абу Саада высказал мнение, что заявитель подвергался пыткам.

2.10 5 марта 2003 года посол Швеции встретился с заявителем вместе с представителем министерства иностранных дел Швеции, занимающимся вопросами прав человека. Как утверждается, заявитель впервые заявил, что он подвергался пыткам. В ответ на вопрос о том, почему он не говорил об этом раньше, он якобы сказал: "Уже неважно, что я говорю, поскольку я все равно буду подвергаться такому же обращению".

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что он подал жалобу лишь через полтора года после высылки заявителя по причине того, что в течение продолжительного периода времени было неясно, кто может представлять заявителя. Адвокат утверждает, что первоначально предполагалось, что жалобу подает адвокат, представлявший заявителя в ходе внутреннего разбирательства в Швеции; "в силу обстоятельств" этот адвокат "не смог выполнить этого поручения" и "несколько месяцев назад" передал дело нынешнему адвокату. Адвокат также говорит, что было трудно получить личное согласие заявителя на подачу жалобы.

3.2 Относительно существа дела адвокат утверждает, что высылка заявителя из Швеции в Египет явилась нарушением его права в соответствии со статьей 3 Конвенции. Он основывается как на том, что было известно на момент высылки заявителя, так и на том, что произошло впоследствии. Он утверждает, что было надлежащим образом установлено, что заявитель после его возвращения был действительно подвергнут пыткам.

3.3 Адвокат утверждает, что пытки часто используются при ведении допроса и как средство наказания в Египте, особенно в связи с политическими делами и делами, касающимися безопасности, и что поэтому заявитель, обвиненный в совершении серьезных политических деяний, сталкивается с серьезной опасностью быть подвергнутым пыткам. По мнению адвоката, государство-участник должно было знать об этой опасности и поэтому стремиться получить гарантию в отношении соблюдения его прав человека. В то же время адвокат подчеркивает, что до высылки не было достигнуто каких-либо договоренностей относительно того, как эти гарантии будут применяться по возвращении заявителя в Египет. Адвокат ссылается на решение Европейского суда по правам человека по делу Чахал против Соединенного Королевства⁴, когда Суд пришел к заключению, что полученные от индийского правительства гарантии сами по себе являлись недостаточной защитой от нарушений прав человека.

3.4 Последующие события, как заявлено, подтверждают эту точку зрения. Во-первых, организация "Международная амнистия" в своих коммюнике от 19 и 20 декабря 2001 года, 10 и 22 января и 1 февраля 2002 года выразила озабоченность в связи с положением заявителя. Во-вторых, выводы, сделанные государством-участником в результате его посещений, не следует принимать во внимание, поскольку они были сделаны в обстоятельствах, не отвечающих соответствующим требованиям. В частности, эти посещения были короткими, имели место в тюрьме, в которой заявитель на самом деле не содержался, не проходили при закрытых дверях и при этом не присутствовали какие-либо медицинские работники или эксперты. В-третьих, независимые источники подтверждают, что пытки, по всей видимости, имели место. Следует придать соответствующее значение показаниям родителей заявителя, поскольку, хотя эти свидания проходили под наблюдением, фиксировалось не каждое слово, как это имело место в ходе официальных посещений, и у него была возможность передать важную информацию, особенно при прощании с матерью. В ходе этих посещений наблюдение было менее строгим, так как одни люди входили в помещение для свиданий, а другие люди выходили из него. Адвокат утверждает, что представление ситуации в слишком черном свете не входило в интересы родителей и заявителя, поскольку это без всякой нужды вызвало бы к нему предвзятое отношение, а также огорчило бы семью заявителя, которая по-прежнему находится в Швеции. Кроме того, родители, пожилые люди без политической мотивации, навлекли бы тем самым на себя опасность репрессий.

3.5 Кроме того, египетский адвокат заявителя обладает достаточной квалификацией для того, чтобы после встречи с заявителем прийти к выводу, что он был подвергнут пыткам. Г-н Хаммарберг, со своей стороны, считает это свидетельство надежным. В уведомлении от 28 января 2003 года, направленном г-ном Хаммарбергом адвокату, он выражает мнение

⁴ Решение от 15 ноября 1996 года.

о том, что существует доказательство *prima facie* факта пыток. Он также отметил недостатки в контрольных процедурах, применяемых шведскими властями, поскольку в течение первых недель по возвращении заявителя никаких встреч с ним не проводилось, а последующие встречи происходили в присутствии других людей и без проведения медицинского освидетельствования.

3.6 Адвокат считает, что единственное независимое доказательство, представленное корреспондентом радио, подтверждает вышеприведенные выводы, поскольку заявитель отказался ответить на прямой вопрос о том, был ли он подвергнут пыткам. Он не сделал бы этого, если бы не опасался дальнейших репрессий. Кроме того, 5 марта 2003 года заявитель прямо информировал посла Швеции о том, что он был подвергнут пыткам, поскольку, как утверждается, к этому времени он потерял всякую надежду на изменение ситуации к лучшему.

3.7 Адвокат приходит к выводу о том, что способность заявителя доказать факт пыток была весьма ограничена, хотя он сделал все возможное, чтобы сообщить о том, как с ним обращались в тюрьме. Он не смог представить полную информацию об обращении с ним или такие подкрепляющие доказательства, как медицинские заключения.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 В представлении от 5 декабря 2003 года государство-участник оспаривает как приемлемость, так и существо жалобы. Оно считает жалобу неприемлемой i) в силу того времени, которое истекло с момента исчерпания внутренних средств правовой защиты, ii) в силу нарушения процедуры и iii) в силу явной необоснованности.

4.2 Признавая, что ни в Конвенции, ни в правовой практике Комитета окончательного срока для представления жалобы не устанавливается, государство-участник заявляет, что в свете содержания правила 107 f) правил процедуры Комитета это не может означать, что срок представления жалобы никогда не может быть ограничен. Государство-участник ссылается на шестимесячный срок, применяемый в отношении дел, представляемых в Европейский суд по правам человека, в том числе дел о высылке в соответствии со статьей 3 Европейской конвенции, и заложенное в этом правиле большое значение правовой определенности как для заявителей, так и для государств. Государство-участник утверждает, что этот принцип правовой определенности должен считаться одним из основополагающих принципов международного правопорядка. Поскольку как Конвенция, так и Европейская конвенция являются важными частями международного права в области прав человека, было бы естественным, если бы один правовой режим полагался на другой в вопросе, который не регламентирован в рамках первого. Поэтому в

силу правила 107 f) правил процедуры Комитета⁵ шестимесячный срок вполне мог бы явиться для Комитета отправной точкой.

4.3 Что касается настоящего дела, то государство-участник утверждает, что в обоснование более чем полугодовой задержки в представлении жалобы не было представлено какой-либо убедительной информации. Поскольку адвокат основывает свои полномочия действовать в этом качестве на обращении отца заявителя, а не самого заявителя, нет никаких причин, в силу которых они не могли быть получены на более ранней стадии. Кроме того, как представляется, не было также сделано никакой попытки вскоре после высылки получить полномочия для совершения соответствующих действий от этого или какого-либо другого родственника, например жены заявителя, находящейся в Швеции. Государство-участник ссылается на жалобу, представленную в декабре 2001 года тем же адвокатом от имени жены заявителя⁶, где утверждалось, что ее положение столь тесно связано с существом настоящей жалобы, что невозможно обсуждать ее дело без ссылки на дело ее мужа. Выдвинутые в ее деле аргументы показывают, что адвокат был хорошо ознакомлен с теми обстоятельствами, на которые он сейчас ссылается, и с его стороны недопустимо утверждать, что эта задержка была вызвана тем, что он долго был занят делом семьи. По мнению государства-участника, нет никакой причины, по которой настоящий заявитель не мог бы быть включен в первую жалобу, представленную в декабре 2001 года. В связи с этим государство-участник утверждает, что если говорить о правовой определенности, то время, прошедшее с момента исчерпания внутренних средств правовой защиты, было неоправданно продолжительным и жалоба является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и правилом 107 f).

4.4 Государство-участник также утверждает, что жалоба свидетельствует о злоупотреблении правом на представление, выражая сомнение относительно того, что заявитель может считаться имеющим обоснованную заинтересованность в рассмотрении его жалобы Комитетом. Фактическая основа рассматриваемой жалобы совпадает

⁵ Правилом 107 f) предусматривается следующее: "С целью принятия решения о приемлемости жалобы Комитет, его рабочая группа или докладчик, назначенный в соответствии с пунктом 3 правил 98 или 106, удостоверяются в том, что: ...f) период времени, истекший с момента исчерпания внутренних средств правовой защиты, не является столь неоправданно продолжительным, что это необоснованно затрудняет рассмотрение жалоб Комитетом или государством-участником".

⁶ Ханан Ахмед Фуад Абд эль-Халек Агтия против Швеции, дело № 199/2002, решение от 17 ноября 2003 года.

с фактической основой жалобы, представленной в декабре 2001 года от имени его жены⁷, причем важнейший вопрос в обоих случаях связан с гарантиями, данными египетскими властями до высылки заявителя и его семьи и в целях такой высылки. В своем решении по этому делу Комитет, проанализировав значение гарантий и придя к выводу об отсутствии нарушения Конвенции, уже дал ответ на вопрос, который был поднят в настоящей жалобе. В силу вышеизложенного данный вопрос следует рассматривать на основе принципа *res judicata*.

4.5 Кроме того, в рамках разбирательства жалобы жены заявителя была представлена та же подробная информация о его прошлой деятельности, настоящем местонахождении и условиях содержания под стражей. Поскольку обе жалобы были представлены одним и тем же адвокатом, настоящая жалоба возлагает ненужное бремя как на Комитет, так и на государство-участник. Таким образом, заявитель не имеет очевидной заинтересованности в рассмотрении своей жалобы Комитетом. Поэтому она должна рассматриваться как злоупотребление правом на представление и неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и правилом 107 b)⁸.

4.6 Наконец, государство-участник считает, что жалоба является явно необоснованной, поскольку утверждения заявителя не поднимаются до уровня минимальных оснований, требуемого в свете изложенных ниже аргументов по существу. Поэтому она должна быть объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и правилом 107 b).

4.7 Касаясь существа дела, государство-участник описывает конкретные механизмы Закона об иностранцах 1989 года, которые применяются в случаях, подобных случаю заявителя. Хотя ходатайства о предоставлении убежища обычно рассматриваются Советом по вопросам миграции, а затем Апелляционным советом по делам иностранцев, при определенных обстоятельствах каждый из этих органов может передать дело на рассмотрение правительства, приложив свое собственное заключение. Такая ситуация возникает, если какое-либо дело расценивается как имеющее важное значение для безопасности государства либо для безопасности в целом, либо для отношений государства с какой-либо другой державой (раздел 11 (2)(2) главы 7 Закона).

⁷ Там же.

⁸ Правилем 107 b) предусматривается: "С целью принятия решения о приемлемости жалобы Комитет, его рабочая группа или докладчик, назначенный в соответствии с пунктом 3 правил 98 или 106, удостоверяются в том, что: ...b) жалоба не связана со злоупотреблением проводимым Комитетом процессом и не является явно необоснованной".

В случае передачи дела Советом по вопросам миграции оно должно быть сначала направлено в Апелляционный совет по делам иностранцев, который выносит по нему свое собственное заключение.

4.8 Иностранец, который в иных случаях рассматривается как нуждающийся в защите из-за обоснованного опасения преследования со стороны властей другого государства на основании причины, указанной в Конвенции о статусе беженцев (в соответствии с разделом 2 главы 3 Закона), может, тем не менее, быть лишен права на получение вида на жительство при определенных исключительных обстоятельствах с учетом оценки предыдущей деятельности этого иностранца и требований безопасности страны (раздел 4 главы 3 Закона). Однако ни одному лицу, которое рискует подвергнуться пыткам, не может быть отказано в выдаче вида на жительство (раздел 3 главы 3 Закона). Кроме того, если какому-либо лицу отказано в выдаче вида на жительство и в отношении него принято решение о высылке, на стадии приведения этого решения в исполнение производится оценка ситуации во избежание выдачи лица, которое подвергнется, среди прочего, пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания.

4.9 Государство-участник ссылается на резолюцию 1373 Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 года, которая обязывает все государства-члены Организации Объединенных Наций отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты или предоставляет убежище. Совет призвал государства-члены принимать надлежащие меры согласно международным стандартам в области прав человека и правовым нормам в отношении беженцев, обеспечивать, чтобы лица, ищущие убежище, не планировали террористических актов, не содействовали им и не участвовали в их совершении. В ней также содержался призыв к государствам-членам обеспечивать в соответствии с международным правом, чтобы исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца. В этом контексте государство-участник ссылается на заявление Комитета от 22 ноября 2001 года, в котором он выразил уверенность в том, что действия государств-участников в ответ на угрозы международного терроризма будут соответствовать их обязательствам по Конвенции.

4.10 Государство-участник напоминает также о промежуточном докладе⁹, представленном в июле 2002 года Комиссии по правам человека Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания в соответствии с резолюцией 56/143 от 19 декабря 2001 года. В своем докладе Специальный докладчик призвал государства

⁹ A/57/173, 2 июля 2002 года.

"к обеспечению того, чтобы во всех соответствующих ситуациях лица, которых они намерены выдать в связи с предъявленными им обвинениями в терроризме или другими преступлениями, не передавались другому государству до тех пор, пока правительство принимающей страны не представит осуществляющим экстрадицию органам недвусмысленные гарантии в отношении того, что лица, о которых идет речь, не будут подвергнуты пыткам или каким-либо иным формам жестокого обращения после их выдачи, и что для наблюдения за обращением с этими лицами создана соответствующая система, которая должна в полной мере обеспечить уважение их человеческого достоинства" (пункт 35).

4.11 В отношении фактов рассматриваемого дела государство-участник подробно излагает информацию, полученную ее полицией безопасности в отношении заявителя, в которой предполагается, что он представлял собой серьезную угрозу с точки зрения безопасности. По просьбе государства-участника эта информация, доведенная до сведения адвоката заявителя в контексте конфиденциальной процедуры, предусмотренной в статье 22 Конвенции, не приводится в решении Комитета по настоящей жалобе.

4.12 Государство-участник отмечает, что 12 декабря 2001 года после передачи данного дела из Совета по вопросам миграции и Апелляционного совета по делам иностранцев государственный секретарь его министерства иностранных дел встретился с представителем египетского правительства в Каире. По просьбе государства-участника и с согласия Комитета подробности, касающиеся личности собеседника, не фигурируют в тексте настоящего решения. Поскольку государство-участник рассматривало вопрос об исключении заявителя из-под защиты, предоставляемой Конвенцией о статусе беженцев, цель визита состояла в определении возможности для возвращения заявителя и его семьи в Египет без нарушения международных обязательств Швеции, включая обязательства, связанные с Конвенцией. После тщательного рассмотрения возможности получения со стороны египетских властей заверений, касающихся дальнейшего обращения с заявителем, правительство государства-участника посчитало возможным и целесообразным узнать, могут ли быть получены гарантии того, что обращение с заявителем и его семьей после их возвращения в Египет будет соответствовать нормам международного права. Без таких гарантий возвращение в Египет не могло рассматриваться в качестве альтернативы. 13 декабря 2002 года требуемые гарантии были предоставлены.

4.13 Государство-участник подробно изложило затем свои основания для отказа 18 декабря 2001 года в предоставлении убежища заявителю и его жене. Эти основания не включены в текст настоящего решения по просьбе государства-участника и с согласия Комитета.

4.14 Государство-участник отмечает, что нынешний правовой статус заявителя состоит в том, что он, по сообщению министерств юстиции и внутренних дел Египта, в настоящее время отбывает наказание согласно приговору, вынесенному ему заочно военным судом за - в числе других преступлений - убийство и террористическую деятельность. Его семья обеспечила ему юридическое представительство, и в феврале 2002 года на имя президента было направлено прошение о пересмотре дела. К октябрю 2002 года оно было рассмотрено министерством обороны и вскоре будет передано в канцелярию президента для принятия решения. Касаясь контроля за положением заявителя после его высылки, государство-участник отмечает, что его положение контролировалось посольством Швеции в Каире, главным образом путем посещения его примерно раз в месяц. На дату представления состоялось 17 таких посещений¹⁰. В большинстве случаев в числе посетителей был посол Швеции, а в ряде случаев - старшее должностное лицо из министерства иностранных дел.

4.15 По информации посольства, эти посещения со временем стали обычным делом, происходили в помещении начальника тюрьмы и продолжались в среднем 45 минут. К заявителю ни разу не применялись какие-либо меры ограничения. Атмосфера была раскованной и дружеской, посетителям и заявителю предлагались безалкогольные напитки. В конце посещения, состоявшегося в июне 2002 года, сотрудники посольства заметили, как заявитель, судя по всему, непринужденно разговаривал с несколькими тюремными охранниками в ожидании возвращения в камеру. Он всегда был одет в чистую гражданскую одежду, был хорошо причесан и имел ухоженную бороду. Его, по-видимому, неплохо кормили, и потери веса между посещениями не наблюдалось. Ни разу в ходе посещений не было замечено признаков применения к нему физического насилия или грубого обращения, и передвигался он без каких-либо трудностей. В марте 2002 года по просьбе посла он снял с себя рубашку и майку и повернулся, в результате чего можно было убедиться в отсутствии каких-либо признаков пыток.

4.16 Согласно докладу посольства о первом (январь 2002 года) посещении, заявитель, похоже, говорил абсолютно свободно и заявил послу, что у него нет жалоб относительно обращения с ним в тюрьме. После того как его спросили, подвергался ли он какому-либо систематическому грубому обращению, он не высказал никаких претензий. Когда во время посещения, состоявшегося в апреле 2002 года, его спросили, подвергался ли он физическому насилию или какому-либо грубому обращению, он ответил, что ни физическому насилию, ни иному грубому обращению он не подвергался. В ходе

¹⁰ Состоялись 23 января, 7 марта, 14 апреля, 27 мая, 24 июня, 22 июля, 9 сентября и 4 ноября 2002 года, а также 19 января, 5 марта, 9 апреля, 14 мая, 9 июня, 29 июля, 25 августа, 30 сентября и 17 ноября 2003 года.

большинства посещений он жаловался на общее состояние здоровья: на боли в спине, язву желудка, больные почки и щитовидную железу, что, в частности, вызывало у него проблемы со сном. Он проконсультировался с рядом тюремных и приглашенных медицинских специалистов, ему была сделана магнитно-резонансная томография спинного мозга, физиотерапевтическое обследование спины и рентген щитовидной железы. Рентген показал наличие небольшой опухоли, по поводу которой он пройдет дополнительные обследования. В августе 2003 года он, как и ранее, сказал послу, что удовлетворен получаемой им медицинской помощью. В ходе посещения в ноябре 2003 года он сообщил, что невропатолог рекомендовал сделать операцию на спине. Он регулярно проходил лечение в связи с различными проблемами со здоровьем.

4.17 В ходе посещений, состоявшихся в мае и ноябре 2002 года, заявитель негативно отозвался об общих условиях содержания под стражей. По его словам, в камерах отсутствуют кровати или туалеты и его содержат в тюремных помещениях, предназначенных для лиц, которые еще не были осуждены. Он отметил, что это положение в целом улучшилось после декабря 2002 года, когда его больше не отделяли от других заключенных и он мог совершать прогулки. В январе 2003 года он по медицинским соображениям был переведен в ту часть тюрьмы, где находится больничная палата. В марте 2003 года в ответ на соответствующий вопрос он сказал, что обращение с ним не отличается от обращения с другими заключенными ни в лучшую, ни в худшую сторону; к нему применяются общие условия содержания в тюрьме. В ходе последующих посещений никаких таких жалоб с его стороны не было.

4.18 10 февраля 2002 года, т.е. на раннем этапе содержания под стражей, Шведское национальное радио сообщило о посещении заявителя одним из его корреспондентов в кабинете одного из старших администраторов тюрьмы. Заявитель был одет в темно-синие пиджак и брюки, и у него отсутствовали, по крайней мере на руках и лице, какие-либо внешние признаки недавнего применения физического насилия. Он испытывал определенные трудности при ходьбе, которые, как он объяснил, были следствием хронических болей в спине. Он жаловался на то, что ему не разрешают читать и заниматься физическими упражнениями и что у него нет радиоприемника.

4.19 В числе других вопросов, которые регулярно поднимались во время встреч заявителя с сотрудниками посольства, следует отметить вопрос о свиданиях с членами семьи и адвокатами. После посещения в июне 2002 года был установлен порядок регулярных свиданий с членами семьи два раза в месяц. На время представления этот порядок действовал, хотя посещения в мае и июне 2003 года были ограничены по соображениям безопасности. Заявитель отметил, что он только два раза встречался со своим адвокатом: в феврале и марте 2002 года. Он не обращался с просьбой о встрече со

своим адвокатом, поскольку считал это не имеющим смысла. Этот вопрос был поднят в ходе последующих встреч сотрудников посольства с представителями египетского правительства, которые подтвердили, что адвокат заявителя может свободно посещать его без каких-либо ограничений.

4.20 Поскольку заявитель неоднократно в ответ на прямые вопросы заявлял, что насилию он не подвергался, посол после посещения в ноябре 2002 года пришел к заключению, что, хотя содержание под стражей является психологическим испытанием, никаких признаков того, что египетские власти нарушили предоставленные гарантии, не наблюдалось. Государство-участник подробно излагает некоторые последующие утверждения заявителя и меры, которые оно приняло в ответ на эти заявления. По просьбе государства-участника и с согласия Комитета подробное изложение этих вопросов не включается в текст настоящего решения.

4.21 Что касается применения Конвенции, то государство-участник отмечает, что от большинства жалоб, представляемых в Комитет в соответствии со статьей 3, это дело отличается тем, что высылка уже имела место. Однако формулировка статьи 3 Конвенции предполагает, что рассмотрение соответствующего дела Комитетом должно быть сосредоточено на том моменте времени, когда заявитель был возвращен в страну его происхождения. Произошедшие впоследствии события или сделанные впоследствии наблюдения могут, естественно, представлять интерес с точки зрения установления того, были ли соблюдены предоставленные гарантии, и это подтверждает правильность оценки правительства государства-участника, согласно которой обращение с заявителем не будет противоречить Конвенции. Однако, хотя это имеет отношение к делу, государство-участник утверждает, что при рассмотрении настоящей жалобы главный вопрос состоит в том, обоснованным ли было со стороны его властей предположение при высылке заявителя 18 декабря 2001 года о том, что существовали серьезные основания полагать, что он сталкивался с риском подвергнуться пыткам.

4.22 Государство-участник ссылается на неизменную правовую практику Комитета, согласно которой человек должен показать наличие предсказуемого, реального и персонального риска применения пыток. Степень такого риска должна быть выше чисто теоретической угрозы или подозрения, однако наличие подтверждения высокой степени вероятности риска не является обязательным. При оценке такого риска, а соответствующая норма предусмотрена в шведском законодательстве, большое значение имеют гарантии, предоставленные египетским правительством. Государство-участник напоминает о решении Комитета по жалобе, представленной женой заявителя, когда те же

самые гарантии были сочтены эффективными¹¹, и ссылается на соответствующие решения европейских органов, предусмотренных Европейской конвенцией о правах человека.

4.23 В деле Эйлор-Дэвис против Франции (решение от 20 января 1994 года) было сочтено, что гарантии принимающей стороны, Соединенных Штатов Америки, являлись достаточными, чтобы исключить риск того, что заявитель будет приговорен к смертной казни. Смертная казнь могла быть назначена лишь в том случае, если бы на ней настаивал государственный обвинитель. Напротив, в деле Чахал против Соединенного Королевства суд не был убежден, что полученные от индийского правительства гарантии в том, что сикхский сепаратист "будет пользоваться такой же правовой защитой, как и любой другой гражданин Индии, и что у него нет никаких оснований опасаться какого-либо жестокого обращения со стороны индийских властей", позволят обеспечить его безопасность. Суд не ставил под сомнение добрые намерения правительства Индии, однако у него сложилось впечатление, что, несмотря на усилия, предпринимаемые, в частности, правительством и судами Индии в целях осуществления реформы, нарушения прав человека сотрудниками сил безопасности в Пенджабе и других частях Индии представляют собой периодически напоминающую о себе проблему. Таким образом, судебная практика позволяет предположить, что гарантии могут быть признаны в том случае, если можно полагать, что власти принимающего государства контролируют ситуацию.

4.24 Применяя такую аналогию, государство-участник утверждает, что настоящее дело больше похоже на дело Эйлора-Дэвиса. Гарантии были предоставлены высокопоставленным представителем египетского правительства. Государство-участник отмечает, что для того, чтобы гарантии были эффективными, необходимо, чтобы они были предоставлены тем, кто, как ожидается, имеет возможность обеспечить их соблюдение, что, по мнению государства-участника, имеет место в данном случае, учитывая высокую должность, занимаемую представителем Египта. Кроме того, на состоявшейся в декабре 2001 года встрече государственного секретаря Швеции и египетского должностного лица последнему было четко сказано, какое значение все это имеет для Швеции: поскольку статья 3 Конвенции имеет абсолютный характер, ему были предоставлены подробные объяснения, касающиеся необходимости в эффективных гарантиях. Государственный секретарь подтвердил важность для Швеции соблюдения ею своих международных обязательств, в том числе по Конвенции, в результате чего, чтобы высылка заявителя стала возможной, необходимо было выполнить конкретные условия. Так, необходимо было получить письменные гарантии того, что будет проведено беспристрастное судебное разбирательство, что заявитель не будет подвергнут пыткам или другим видам жестокого обращения и что он не будет приговорен к смертной казни

¹¹ Там же.

или казнен. За судебным разбирательством будет наблюдать посольство Швеции в Каире, а также должна быть предоставлена возможность регулярно посещать заявителя даже после вынесения ему обвинительного приговора. Кроме того, его семья не должна подвергаться никаким видам преследования. Было ясно сказано, что Швеция оказалась в трудном положении и что несоблюдение гарантий Египтом может в будущем оказать серьезное воздействие на другие подобные дела, находящиеся на рассмотрении европейских судов.

4.25 Государство-участник представляет подробное описание этих гарантий. Подробности исключены из текста настоящего решения по просьбе государства-участника и с согласия Комитета. Государство-участник отмечает, что указанные гарантии являются гораздо более весомыми, чем гарантии, предусмотренные в деле Чахала, и что они сформулированы в гораздо более утвердительных выражениях, предусматривающих безусловное запрещение. Государство-участник напоминает, что Египет является государством - участником Конвенции, что его Конституция запрещает пытки и что акты пыток или приказы о их совершении являются тяжкими преступлениями согласно уголовному праву Египта.

4.26 При оценке жалобы государство-участник интересуется, были ли соблюдены и соблюдаются ли соответствующие гарантии. Оно ссылается на заявления о якобы имевшем место жестоком обращении, сделанные матерью заявителя, а затем неправительственными организациями, в том числе на данное матерью заявителя описание его физического состояния при ее первом свидании с ним 23 января 2002 года. Посещение послом государства-участника состоялось в тот же день сразу же после свидания с матерью, и посол не увидел каких-либо признаков физического насилия. Казалось, что он говорит свободно, он не жаловался на пытки, а в ответ на прямой вопрос о систематическом насилии в тюрьме не высказал никаких претензий. Поэтому государство-участник утверждает, что заявление от этого дня о якобы имевшем место жестоком обращении убедительно опровергается наблюдениями его посла.

4.27 Государство-участник утверждает, что, согласно многочисленным докладам посла, сотрудников посольства и высокопоставленного сотрудника его министерства иностранных дел, предоставленные гарантии в отношении заявителя оказались эффективными. Утверждения заявителя об обратном были необоснованными, и заявитель неоднократно подтверждал послу Швеции, что он не подвергался пыткам или жестокому обращению. Утверждения от марта 2003 года были опровергнуты египетскими властями. Заявитель получает медицинскую помощь, в которой он нуждается в силу своих проблем со здоровьем, а юридическая помощь была предоставлена ему его семьей. То обстоятельство, что его адвокат до сих пор не предпринял достаточных действий для

пересмотра приговора, не имеет отношения к настоящей жалобе. Кроме того, свидания заявителя со своей семьей происходят регулярно. В целом, учитывая ограничения, связанные с содержанием под стражей, состояние здоровья заявителя представляется довольно хорошим. Государство-участник приходит к заключению, что, поскольку утверждения о применении пыток не были обоснованы, они не могут составлять основу для оценки этого дела Комитетом. Государство-участник также указывает, что это дело широко освещалось в национальных средствах массовой информации и обратило на себя международное внимание. Можно исходить из того, что египетским властям об этом известно и что поэтому они примут меры по недопущению жестокого обращения.

4.28 Государство-участник напоминает, что в своем решении по жалобе жены заявителя¹² Комитет, как представляется, дал в отношении нее прогноз в свете имеющейся информации относительно эффективности гарантий в отношении ее супруга, нынешнего заявителя, с делом которого она увязала свое собственное дело исключительно на основе ее родственных связей с ним. Комитет заявил, что он "удовлетворен предоставлением гарантий против насильственного обращения", и отметил, что их осуществление "регулярно контролируется властями государства-участника *in situ*". Далее он отметил, что Египет "связан прямым обязательством обращаться надлежащим образом с находящимися под его юрисдикцией заключенными". Поэтому, по мнению государства-участника, вывод Комитета о том, что она не доказала в своей жалобе нарушения статьи 3, является "существенно важным" для настоящей жалобы.

4.29 В заключение государство-участник утверждает, что, получив соответствующие гарантии от компетентного должностного лица Египта, оно выполнило свои обязательства согласно Конвенции, выполнив одновременно свои обязательства в соответствии с резолюцией 1373 Совета Безопасности. До высылки заявителя были получены надлежащие гарантии от должностного лица, ответственного за их эффективное обеспечение. Эти гарантии по своему содержанию соответствуют требованиям Специального докладчика (см. пункт 4.10 выше), и, кроме того, был создан контрольный механизм, работавший почти два года. Таким образом, заявитель не обосновал свое утверждение о том, что гарантии на практике не соблюдались. Если Комитет придет к другому выводу, ключевой вопрос будет состоять в том, на что правительство государства-участника имело основания рассчитывать во время высылки. Поскольку заявитель не обосновал своего требования по статье 3, его высылка в его страну происхождения не являлась нарушением этого положения.

¹² Там же.

Комментарии адвоката в отношении представлений государства-участника

5.1 В своем письме от 21 января 2004 года адвокат оспорил представления государства-участника как относительно приемлемости, так и относительно существа дела.

В отношении доводов государства-участника, касающихся своевременного представления жалобы, он утверждает, что в течение длительного периода времени было неясно, кто имеет право представлять заявителя. Адвокат утверждает, что предыдущий адвокат заявителя не смог добиться подписания доверенности до быстрой высылки заявителя и что предыдущий адвокат после высылки заявителя счел свои обязанности законченными. Адвокат заявляет, что, поскольку заявитель был выслан и с ним нельзя было проконсультироваться напрямую, необходимо было сначала получить дополнительную информацию о его положении, а затем тщательно оценить - вместе с его родителями - целесообразность подачи жалобы от его имени. По мнению адвоката, обстоятельства, фигурирующие в жалобе, представленной женой заявителя, были "совершенно иными", поскольку она оставалась в Швеции и тем самым необходимо было срочное сообщение для предотвращения высылки. В данном деле заявитель уже был выслан и не было срочной необходимости в представлении жалобы до тщательной оценки ее существа. Он также указывает, что шестимесячный срок для представления касается только жалоб, представляемых в соответствии с Европейской конвенцией, и что вполне могут иметься различные договорные режимы. В любом случае адвокат утверждает, что стоящий перед Комитетом принципиальный вопрос, касающийся удовлетворительной защиты, предоставленной дипломатическими заверениями, столь важен, что он должен рассмотреть это дело, а не объявлять его неприемлемым.

5.2 Адвокат отрицает, что жалоба представляет собой злоупотребление правом на представление. Соглашаясь, что многие "основные факторы" в делах заявителя и его жены совпадают и что обстоятельства "являются в значительной степени одинаковыми", он отмечает, что заявитель по этому делу сталкивается с весьма серьезным риском быть подвергнутым пыткам. Положение его жены, которая в отличие от него основывала свою жалобу лишь на том, что она является близким родственником лица, разыскиваемого за террористическую деятельность, является менее сложным, поскольку она сталкивается с менее серьезным риском, нежели ее муж. В результате имеются "существенные различия" между двумя делами, и поэтому рассматриваемая жалоба не должна объявляться неприемлемой на этом основании. Адвокат также отвергает квалификацию дела как явно необоснованного.

5.3 Что касается существа дела, то адвокат - для создания общей картины грубого, вопиющего и широко распространенного применения пыток египетскими властями - ссылается на доклады нескольких правозащитных организаций. В докладе о правах

человека, подготовленном самим шведским министерством иностранных дел, говорится о частом применении пыток египетской полицией, особенно в ходе расследований, связанных с террористической деятельностью. Адвокат утверждает, что заявитель не участвовал в какой-либо террористической деятельности, и говорит о полной неприменимости резолюции 1373 Совета Безопасности. В любом случае эта резолюция не может стоять выше других международных обязательств, например обязательств в рамках Конвенции. Адвокат отрицает, что заявитель участвовал в террористической деятельности, в том числе в рамках тех организаций, с которыми он, по утверждению полиции безопасности, был связан. В любом случае утверждения об участии в террористических организациях лишь способствовали повышению интереса египетских властей к заявителю, который был осужден за правонарушения террористического характера, и это отягчающее обстоятельство, усиливающее риск применения пыток, должно было быть принято во внимание государством-участником до его высылки.

5.4 Согласно адвокату, ключевой вопрос состоит не в том, была ли предоставлена гарантия государственным должностным лицом, а в том, может ли она быть реализована на практике, и если может, то как. Эта гарантия была получена за короткий срок, была расплывчата в своих формулировках и не содержала подробного указания того, как соответствующие гарантии будут применяться в отношении заявителя; кроме того, египетское правительство не предоставило, а шведские власти не запрашивали никакой подобной информации. Шведские власти не продумали также эффективной и надежной процедуры контроля, проведя первое посещение через месяц после высылки заявителя. Эта процедура, разработанная вскоре после того, как Комитет обратился с просьбой о принятии промежуточных мер защиты в отношении жены заявителя, судя по всему, явилась спонтанной реакцией, а не частью надлежащим образом разработанного плана контроля. Адвокат вновь критикует эффективность контрольных процедур, отмечая, что применяемый в подобных случаях такими организациями, как Международный комитет Красного Креста, обычный порядок не был соблюден. Кроме того, шведские власти, судя по всему, не обращались к каким-либо медицинским специалистам, в частности, после однозначного утверждения заявителя о применении пыток в марте 2003 года. Адвокат утверждает, что различия между показаниями заявителя его родителям, с одной стороны, и неизвестным ему представителям Швеции, сопровождаемым представителями египетских властей, - с другой, объяснимы.

5.5 Адвокат критикует решение Комитета по жалобе, представленной женой заявителя, поскольку информация о том, что ее муж столкнулся с жестоким обращением, была основана на различных источниках и не могла быть отклонена как необоснованная. Адвокат оспаривает данное государством-участником толкование правовой практики европейских органов, выражая мнение о том, что содержание рассматриваемой гарантии и

содержание гарантии, предоставленной Индией по делу Чахала, "в основе своей совпадают". Он отмечает, что Суд не сомневался в добросовестности индийского правительства, но пришел к заключению о том, что основной проблемой являются нарушения прав человека, совершаемые на оперативном уровне силами безопасности. В данном деле аналогичным образом, даже исходя из той же доброй воли на политическом уровне со стороны египетских властей в лице представителя, с которым были согласованы гарантии, следует отметить, что реальное положение на более низких оперативных уровнях государственных служб безопасности и других властей, с которыми контактировал заявитель, состоит в том, что применение пыток является обычным делом. Дело же Эйлора-Дэвиса, напротив, к данной ситуации не относится, поскольку гарантия там была предоставлена государством, положение в котором не может сравниться с положением в Египте.

5.6 Относительно заявления государства-участника о том, что египетские власти отклонили утверждение заявителя от марта 2003 года, адвокат отмечает, что любая иная реакция вызвала бы удивление и что такое отклонение не опровергает утверждение заявителя. По мнению адвоката, бремя доказывания того, что жестокого обращения не было, лежит на государстве-участнике, которое располагает наибольшими возможностями для представления доказательств и проведения надлежащего контроля. Адвокат утверждает, что государство-участник не справилось с этой задачей.

5.7 Признавая, что Египет является государством-участником Конвенции, адвокат отмечает, что само это официальное участие, к сожалению, не является гарантией того, что государство-участник будет соблюдать принятые на себя обязательства. Что касается профилактического воздействия предания гласности в средствах массовой информации, то адвокат утверждает, что какое-то время до и после высылки заявителя в средствах массовой информации имело место некоторое освещение дел заявителя и его жены, однако потом интерес к ним был ограниченным. В любом случае есть основания сомневаться в том, имеет ли освещение в средствах массовой информации такое защитное воздействие, и даже в тех случаях, когда имеет место широкое освещение, его позитивное воздействие может быть поставлено под сомнение.

5.8 Адвокат утверждает, что, если Комитет примет гарантии, подобные тем, которые были предоставлены в данном случае, в качестве достаточной защиты от применения пыток, нельзя будет сбрасывать со счетов возможность крупномасштабных депортаций после получения какой-то стандартной формы заверения со стороны государств, в которых наблюдаются нарушения в области прав человека. По крайней мере в ситуациях, когда наблюдаются ограниченная воля и возможность со стороны высылающего государства провести надлежащий контроль соответствующих обстоятельств, это в

широкой степени может способствовать тому, что власти принимающего государства будут прибегать к пыткам и жестокому обращению и скрывать их применение. Как следствие этого адвокат предлагает Комитету признать, что i) имело место нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции во время высылки заявителя, о чем можно судить как по имевшейся на то время информации, так и по последующим событиям, и ii) что он подвергался пыткам после высылки.

Дополнительные представления сторон

6.1 В письме от 20 апреля 2004 года адвокат сообщил, что 18 февраля 2004 года заявитель встретился в тюрьме со своей матерью. Как утверждает, он информировал ее о том, что ему угрожали следователи и что его могут убить или подвергнуть пыткам, причем в тот же день он возбудил жалобу о том, что его подвергали пыткам. 19 февраля 2004 года его перевели в тюрьму Абу-Забааль примерно в 50 км от Каира, и в знак протеста против этого перевода он объявил голодовку, которая продолжалась в течение 17 дней. Он был якобы помещен в карцер площадью 1,5 м², где содержался в антисанитарных условиях, получая по одной бутылке питьевой воды в день. 8 марта 2004 года его посетили представители шведского посольства, однако о результатах их посещения ничего неизвестно. 20 марта 2004 года после ряда безуспешных попыток матери заявителя добиться с ним свидания ей было заявлено, что с учетом статуса заявителя как заключенного, содержащегося в условиях особо строгого режима, свидания с ним членов его семьи разрешаются лишь в дни национальных праздников. 4 апреля 2004 года он был вновь переведен в тюрьму Масра-Торах. 10 апреля 2004 года 13-й высокий военный суд начал повторное судебное разбирательство по делу заявителя, обвинив его во вступлении в незаконную группу или организацию и в руководстве ею, а также в преступном сговоре, однако заявитель виновным себя не признал. Представитель Организации по наблюдению за осуществлением прав человека на судебных заседаниях присутствовал, однако члены семьи обвиняемого, журналисты и представители шведского посольства на заседания допущены не были. Адвокат заявителя просил отложить судебное разбирательство, с тем чтобы он смог ознакомиться с обвинительными материалами объемом 2 000 страниц и подготовиться к защите. Поэтому суд был отложен на три дня, причем адвокату было разрешено только делать письменные пометки. По мнению адвоката, вышеизложенная информация свидетельствует о том, что в прошлом заявителя подвергали пыткам, что представители власти угрожали применить к нему пытки и что ему грозит реальная опасность подвергнуться пыткам в будущем. Кроме того, эта информация свидетельствует о том, что заявителя подвергали жестокому и бесчеловечному обращению и что ему было отказано в праве на справедливое судебное разбирательство.

6.2 В последующем письме от 28 апреля 2004 года адвокат сообщил, что 27 апреля 2004 года заявитель был осужден и приговорен к 25 годам лишения свободы. Кроме того, он утверждал, что суд отклонил просьбу заявителя о проведении медицинского освидетельствования потому, что, как он утверждает, во время содержания под стражей его подвергали пыткам. По мнению адвоката, ходатайство заявителя перед судом и отклонение судом этого ходатайства представляет собой еще один четкий признак того, что он подвергался пыткам.

7.1 Представлением от 3 мая 2004 года государство-участник препроводило ответ на письмо адвоката от 20 апреля 2004 года. Государство-участник сообщило, что с момента последнего (семнадцатого) посещения, информация о котором была доведена до сведения Комитета 5 декабря 2003 года, имели место еще четыре посещения - 17 декабря 2003 года, 28 января 2004 года, 8 марта 2004 года и 24 марта 2004 года. Государство-участник отметило, что за период с декабря 2003 года по январь 2004 года положение заявителя оставалось по существу прежним, при этом он продолжал заниматься изучением права. Хотя он жаловался на то, что шумное и вызывающее поведение двух его сокамерников мешало его учебе, он сумел подготовиться к экзаменационной сессии, которая состоялась в пенитенциарном учреждении в январе 2004 года. По его словам, в тюрьме особо строго режима Абу-Забаль, в которую он был переведен, к заключенным, отбывавшим длительные сроки тюремного заключения, применялся более мягкий пенитенциарный режим. В то же самое время директор тюрьмы сообщил, что заявитель отбыл 15 суток в изоляторе в качестве дисциплинарного наказания за попытку подстрекательства заключенных тюрьмы Масра-Торах к неповиновению. Государство-участник отдельно представило подтверждающие доказательства того, что i) заявитель пытался спровоцировать в тюрьме беспорядки "с помощью громких призывов к несоблюдению тюремных инструкций и правил" и что ii) в тюрьме в течение трехмесячного периода действовали ограничения в отношении права на переписку и свидания. Государство-участник отметило, что заявитель был признан виновным в совершении одного из двух вменявшихся ему в вину преступлений, а именно в том, что он входил в руководство террористической организации Islamic Al-Fath Vanguard. Он был приговорен к пожизненному заключению, при этом к нему не было применено положение о каторжных работах, отмененное в 2003 году. В настоящее время он находится в тюрьме Масра-Торах в ожидании перевода в другое пенитенциарное учреждение.

7.2 Государство-участник вновь подтвердило свою позицию относительно приемлемости жалобы и ее существа, отметив, что заявитель не сумел обосновать свои претензии относительно того, что египетские власти не обеспечили на практике соблюдение соответствующих гарантий. Государство-участник подчеркнуло, что главный вопрос заключается в том, было ли обоснованным предположение властей при высылке

заявителя с учетом соответствующих гарантий. В силу вышеизложенного государство-участник заявило, что оно полностью выполнило свои обязательства по Конвенции.

8.1 В письме от 3 мая 2004 года адвокат сообщил, что первоначально ему был представлен лишь отредактированный вариант составленного дипломатического доклада о результатах проведенной в посольстве 23 января 2002 года первой встречи с заявителем. Адвокат утверждал, что полный вариант доклада был препровожден ему лишь юридическим представителем третьей стороны, подвергшейся высылке одновременно с заявителем. Адвокат утверждал далее, что, согласно содержащейся в докладе информации, заявитель сообщил послу о том, что его пытали (избивали тюремные надзиратели) и подвергали жестокому и унижающему достоинство обращению (надевали повязку на глаза, помещали в крошечную одиночную камеру, лишали сна и отказывали в предоставлении предписанного врачом лечения). Адвокат утверждал, что государство-участник не довело эту информацию до сведения Комитета. Кроме того, адвокат представил доклад Организации по наблюдению за осуществлением прав человека, содержащий критические замечания по поводу соответствующих дипломатических гарантий¹³, а также заявление Египетской организации по правам человека от 27 апреля 2004 года, содержащее критические замечания в связи с повторным судебным разбирательством по делу заявителя.

8.2 В письме от 4 мая 2004 года адвокат представил свой перевод вышеуказанного дипломатического доклада. В этом докладе указывалось, что в ходе первой встречи с послом заявитель рассказал о той вынужденной позе, в которой он находился во время транспортировки на самолете в Египет, а затем сообщил послу в присутствии египетских официальных лиц, что ему "против его воли завязывали глаза на допросах, содержали в тот же период в тесных камерах размером 1,5 x 1,5 м, лишали сна путем постоянного наблюдения за ним в камере, задержали на 10 дней выдачу лекарства от гастрита (после медицинского освидетельствования), что тюремные надзиратели избивали его, когда вели на допрос или сопровождали после допроса, и что следователи угрожали ему, что у его семьи будут неприятности, если он не расскажет им все о периоде своего пребывания в Иране". В заключение посол указал, что он не может оценить достоверность этих заявлений, и при этом отметил, что он не воспринимает эту жалобу как жалобу на систематические физические пытки в той или иной форме. Адвокат расценил это новое вскрывшееся обстоятельство как четкий признак того, что заявитель подвергался пыткам. Кроме того, адвокат заявил, что подлинная причина, по которой заявитель был переведен в тюрьму Абу-Забааль, заключалась в том, что он возбудил жалобу в связи с угрозой

¹³ Human Rights Watch: "Empty Promises: Diplomatic Assurances No Safeguard against Torture" April 2004, Vol. 16 No. 4(D).

применения пыток. Адвокат утверждал также, что заявитель был лишен "реальных и справедливых возможностей" для подготовки своей защиты, и отметил, что государство-участник не рассматривало вопросов, вытекающих из судебного разбирательства по делу заявителя.

8.3 В последующем письме от 4 мая 2004 года адвокат представил заявление Организации по наблюдению за осуществлением прав человека от 4 мая 2004 года, озаглавленное "Несправедливое судебное разбирательство в отношении подозреваемых членов незаконных организаций и затрагивающие Швецию утверждения о применении пыток", в котором подвергались критике повторное судебное разбирательство по делу заявителя и применявшиеся государством-участником процедуры контроля. Кроме того, адвокат представил письмо, направленное ему одним из исследователей Организации по наблюдению за осуществлением прав человека, в котором подтверждалось содержание первого неотредактированного дипломатического доклада, о котором шла речь выше, и констатировалась достоверность утверждений о фактах жестокого обращения.

8.4 В представлении от 5 мая 2004 года государство-участник сообщало, что оно считает, что Комитет вправе принять решение относительно приемлемости и, при необходимости, по существу жалобы на основе Конвенции и препровожденной Комитету информации. В этой связи оно заявило, что не намеревается направлять какие-либо дополнительные представления, помимо тех, которые уже были препровождены 3 мая 2004 года. В заключение государство-участник отметило, что в письме адвоката от 4 мая 2004 года затрагиваются, среди прочего, вопросы, не подпадающие под сферу действия Конвенции.

Решение Комитета относительно приемлемости сообщения

9.1 На своей тридцать второй сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости сообщения. Исходя из требований пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

9.2 В связи с утверждением государства-участника, что настоящая жалоба представляет собой злоупотребление процедурой, что делает ее неприемлемой, Комитет отметил, что жалоба, представленная от имени жены заявителя, чтобы не допустить ее высылки, была в силу необходимости подана в оперативном порядке и касалась - по крайней мере во время принятия решения Комитетом - вопроса о том, были ли на тот момент обстоятельства таковы, что ее высылка могла бы явиться нарушением статьи 3 Конвенции. Придя к заключению, что высылка жены заявителя не была бы нарушением статьи 3, Комитет

рассмотрел хронологию событий до момента принятия им своего решения, что, безусловно, представляет собой более широкое расследование, чем в настоящем деле, в центре внимания которого находится положение заявителя во время его высылки в декабре 2001 года. По существу, Комитет в своем решении по первой жалобе отметил, что она не представлялась в связи с вопросом о том, являлась ли высылка данного заявителя нарушением статьи 3. Эти две жалобы относились к разным лицам, одно из которых уже находилось вне юрисдикции государства-участника в момент подачи жалобы, а второе еще находилось в сфере его юрисдикции в ожидании высылки. Таким образом, по мнению Комитета, эти две жалобы по существу не носили идентичного характера, и Комитет не рассматривал настоящую жалобу в качестве простого повторного представления по уже решенному вопросу. Несмотря на то, что представление настоящей жалобы в более оперативном порядке было бы предпочтительным, Комитет счел, что было бы неуместным придерживаться такой строгой точки зрения, согласно которой время, затраченное на получение разрешения от отца заявителя, было столь чрезмерно продолжительным, что представляло собой злоупотребление процедурой.

9.3 Что касается аргументации государства-участника относительно неприемлемости на основании правила 107 f), то Комитет отметил, что, согласно этому правилу, задержка в представлении должна "необоснованно затруднять" рассмотрение дела Комитетом. В данном случае государство-участник имело легкий доступ к соответствующим фактическим представлениям и необходимой аргументации и таким образом, хотя время представления обеих жалоб, возможно, было неудачным, нельзя говорить, что рассмотрение настоящей жалобы было необоснованно затруднено тем обстоятельством, что со времени высылки заявителя прошло 18 месяцев. Таким образом, Комитет отклонил утверждение государства-участника о неприемлемости жалобы на этом основании.

9.4 Комитет отметил, что Египет не сделал предусмотренного статьей 22 заявления о признании компетенции Комитета рассматривать жалобы отдельных лиц в отношении этого государства-участника. Комитет отметил, однако, что принятие требуемого заявителем решения о том, что после высылки заявителя в Египет пытки действительно применялись (см. пункт 5.8), было бы равносильно заключению, что Египет, являющийся государством - участником Конвенции, нарушил свои обязательства по Конвенции, причем без наличия у него возможности изложить свою позицию. Таким образом, эта отдельная жалоба против Египта была неприемлемой *ratione personae*.

9.5 В отношении приведенного государством-участником аргумента о том, что остальная часть жалобы недостаточно обоснована, чтобы признать ее приемлемой, Комитет счел, что заявитель представил достаточно обоснованное дело в отношении Швеции для того, чтобы принимать решение по его существу. В отсутствие каких-либо

дополнительных доводов государства-участника против признания приемлемости жалобы Комитет соответственно был готов приступить к рассмотрению жалобы по существу.

9.6 Соответственно, Комитет против пыток постановил, что жалоба является приемлемой в той части, которая изложена в пунктах 9.2-9.5 выше.

Дополнительные представления сторон по существу жалобы

10.1 В своем письме от 20 августа 2004 года адвокат заявителя препроводил дополнительные представления по существу дела, сообщив дополнительные подробности о повторном судебном разбирательстве по делу заявителя, состоявшемся в апреле 2004 года. Он заявил, что защитнику заявителя были предоставлены лишь копии частей материалов проведенного уголовного расследования, несмотря на его просьбу разрешить сделать фотокопии протоколов расследования. Когда 13 апреля началось повторное судебное разбирательство, заявитель имел возможность общаться со своим защитником лишь в течение примерно 15 минут. В качестве свидетеля государство вызвало полковника Следственного отдела по делам государственной безопасности для дачи показаний против заявителя; согласно его показаниям, заявитель с 1980 года занимал руководящую должность в группировке "Аль-Джамаа", а с 1983 года имел контакты с центральной фигурой в этой группировке - Айманом аз-Завахири. Далее полковник свидетельствовал о том, что заявитель проходил подготовку в учебных лагерях в Пакистане и Афганистане и участвовал в занятиях по обучению обращению с оружием. В ходе перекрестного допроса полковник заявил, что руководство группировки "Аль-Джамаа" постоянно сменяется, что его свидетельские показания основаны на секретной информации, что источники этой информации нельзя обнародовать в силу риска, которому подвергаются соответствующие лица, и что он (полковник) вместе с другими не известными ему офицерами играл в расследовании лишь вспомогательную роль. По словам адвоката заявителя, в своем решении от 27 апреля 2004 года суд отклонил ходатайство заявителя о проведении в ходе процесса судебно-медицинской экспертизы, но при этом суд сослался на медицинское заключение тюремного врача, который указал, что в тюрьме заявитель получил травмы.

10.2 Адвокат ссылается на переданную по шведскому телевидению 10 мая 2004 года программу под названием "Калла Факта", в которой рассматривались обстоятельства высылки заявителя и еще одного лица¹⁴. В этой программе говорилось о том, что, когда этих двух лиц доставляли в аэропорт Стокгольма, на них были надеты наручники, что в аэропорте приземлился частный самолет Соединенных Штатов Америки и что оба мужчины были переданы шведской полицией группе специальных агентов. Агенты сняли с мужчин одежду, ввели в них неизвестного типа суппозитории, надели на них памперсы,

¹⁴ Адвокат представил запись этой программы.

а затем черные комбинезоны. Когда их вели к самолету, их руки и ноги были прикованы цепями к специальному ремню, на глаза были надеты повязки, а на головы - капюшоны. В проведенном с ним интервью г-н Ханс Дальгрэн, государственный секретарь министерства иностранных дел, заявил, что египетское правительство не выполнило той части предоставленных гарантий, которые касались справедливого судебного разбирательства.

10.3 Как утверждает адвокат заявителя, по завершении этой программы министерство иностранных дел Швеции направило в Египет двух высокопоставленных представителей для обсуждения с египетским правительством вопроса об обращении с этими двумя депортированными лицами. О результатах этой встречи ничего неизвестно, за исключением того, что египетская сторона отрицала факт жесткого обращения и что под руководством Египта будет проведено расследование, но при этом будет обеспечено международное участие и будет проведено медицинское освидетельствование. В Швеции были также возбуждены три отдельных расследования, которые проводятся в настоящее время: i) собственное расследование Главного омбудсмана для определения того, были ли правомерными предпринятые действия; ii) возбужденное по частной жалобе государственным прокурором Стокгольма уголовное расследование для выяснения того, совершила ли Шведская полиция безопасности какое-либо преступление в связи с депортацией; и iii) расследование Конституционного комитета парламента в отношении правомерности действий Швеции в связи с этими делами.

10.4 15 июня 2004 года Апелляционный совет по делам иностранцев по гуманитарным соображениям предоставил жене заявителя и пятерым ее детям вид на постоянное проживание в Швеции. Позднее, в июне, египетское правительство, используя свое право на смягчение приговора, уменьшило срок тюремного заключения заявителя с 25 до 15 лет. По словам адвоката заявителя, последняя встреча заявителя со шведскими представителями состоялась в июле 2004 года. Впервые эта встреча была полностью конфиденциальной. После этой встречи заявитель встретился со своей матерью и сообщил ей, что ему приказали вести себя осмотрительно и не говорить ничего лишнего, при этом один из офицеров предупредил его: "Не думайте, что мы ничего не слышим, у нас есть и уши, и глаза".

10.5 На 20 августа 2004 года, дату получения представлений, не имелось никакой информации относительно расследования, о котором было объявлено в Египте¹⁵. Однако в тот же день министр иностранных дел Швеции, выступая по радио, объявил о получении от египетского правительства ноты, в которой опровергались все утверждения о применении к заявителю пыток и говорилось, что международное расследование является ненужным и неприемлемым. Министр иностранных дел также отметил, что имеются основания для самокритики в связи с действиями Швеции в этом деле.

10.6 Адвокат утверждает, что повторное судебное разбирательство явно не удовлетворяло международным стандартам, поскольку оно проводилось военным судом и защита не имела достаточного времени для ознакомления с материалами дела и доступа к ним, в результате чего обвинительный приговор был вынесен на основе неубедительных и недостаточных доказательств¹⁶. Несоблюдение этой части гарантий, как признал государственный секретарь Дальгрэн, само по себе вызывает серьезные сомнения в отношении выполнения остальных обязательств. Адвокат заявляет, что заявитель сообщил своей матери о том, что его нерегулярно отправляли в больницу в связи с травмами спины, при этом нет никаких свидетельств того, что осмотры проводились судебным врачом. По мнению адвоката, эта уже сообщенная информация вместе с заключением тюремного врача, что заявитель получил физические травмы (см. пункт 8.1 выше), и отказом египетских властей разрешить проведение международного расследования свидетельствуют о том, что заявитель подвергался пыткам. Бремя доказывания обратного должно ложиться на государство-участника, которое имеет несоизмеримо большие ресурсы и влияние на судебное разбирательство.

10.7 Повторяя ранее приводившиеся им доводы, адвокат утверждает, что во время высылки заявитель подвергался серьезному риску применения к нему пыток, независимо от гарантий, предоставленных страной с такой репутацией, как Египет. Адвокат

¹⁵ Адвокат препровождает публичное заявление организации "Международная амнистия" от 28 мая 2004 года, озаглавленное "Швеция: озабоченность по поводу обращения с депортированными египтянами", в котором содержится призыв к проведению "широкомасштабного, независимого и беспристрастного международного расследования" (EUR 42/001/2004), а также аналогичное заявление Организации по наблюдению за осуществлением прав человека от 27 мая 2004 года, озаглавленное "Швеция: расследование применения пыток должно проводиться под эгидой ООН".

¹⁶ В подтверждение этого адвокат цитирует заявление Организации по наблюдению за осуществлением прав человека от 4 мая 2004 года, озаглавленное "Швеция/Египет: несправедливое разбирательство в отношении подозреваемых членов незаконных организаций и затрагивающие Швецию утверждения о применении пыток".

ссылается в этой связи на доклад Совета Европы от 8 июля 2004 года по Швеции, в котором высказывалась критика по поводу соблюдения гарантий¹⁷. С другой стороны, адвокат утверждает, что профилактические меры и меры контроля за соблюдением гарантий были недостаточными. В дополнение к уже приведенным доводам не были реализованы подробные планы или программы, касающиеся таких вопросов, как специальные приказы в отношении допустимых методов проведения допросов, подтверждение того, что подчиненным известно о гарантиях и что они будут соблюдать их, или план, предусматривающий обращение с соответствующими лицами и рассмотрение их дел в суде после их высылки.

11.1 В своем представлении от 21 сентября 2004 года государство-участник препроводило свой ответ, отметив, что после его последних представлений от 3 мая 2004 года имели место новые посещения, которые состоялись 4 мая, 2 июня, 14 июля и 31 августа 2004 года. Каждое посещение, за исключением самого последнего, проходили в тюрьме Масра-Торах, где, по всей видимости, заявитель отбывает назначенный ему по приговору срок тюремного заключения. Самое последнее посещение состоялось в больнице Каирского университета. Государство-участник сообщает об улучшении юридического статуса заявителя, поскольку срок тюремного заключения был сокращен до 15 лет с возможностью, по словам заявителя, дальнейшего его сокращения в случае хорошего поведения. Оценка поведения осуществляется автоматически египетским министерством внутренних дел. Состояние здоровья заявителя также улучшилось с мая месяца, когда он заболел воспалением легких. После его возвращения в тюрьму Масра-

¹⁷ Доклад г-на Альваро Хиль-Роблеса, Комиссара по правам человека, о его визите в Швецию (21-23 апреля 2003 года), CommDH(2004)13, в пункте 19 которого говорится следующее: "Второй вопрос касается использования дипломатических заверений в отношении обращения с депортированными иностранцами в странах, в которые они возвращаются. Этот пример, не являющийся уникальным для Швеции, ясно указывает на риски, связанные с дипломатическими гарантиями. Слабость, присущая практике дипломатических заверений, заключается в том, что тогда, когда существует необходимость в таких заверениях, явно существует признанный риск применения пыток или жестокого обращения. Ввиду абсолютного характера запрещения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, формальные заверения не могут быть достаточными, когда такого рода опасность тем не менее сохраняется. Как отметил Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках, такие заверения должны быть неоднозначными и должна иметься система контроля за соблюдением таких заверений. При оценке надежности дипломатических заверений один из необходимых критериев должен состоять в том, что принимающее государство не должно практиковать применение пыток или жестокого обращения либо попустительствовать им и должно осуществлять эффективный контроль за действиями негосударственных агентов. Во всех других обстоятельствах крайне сомнительно, что заверения могут рассматриваться как обеспечивающие беспорные гарантии против применения пыток или жестокого обращения".

Торах 4 апреля 2004 года курс его лечения был возобновлен и он стал вновь получать необходимые лекарства. В конце августа 2004 года в больнице Каирского университета ему была сделана операция на позвоночнике. 31 августа оперировавший его нейрохирург сообщил посольству, что операция продолжалась пять часов, включая микрохирургическую операцию, но оказалась успешной и без осложнений. По словам хирурга, такого рода проблемы со спиной могут возникнуть у любого человека и не имеют какой-либо очевидной причины.

11.2 Касаясь общих условий в тюрьме Масра-Торах, заявитель, отвечая на вопросы сотрудников посольства, не высказал каких-либо конкретных жалоб. Свидания с членами семьи возобновились после его возвращения в тюрьму. Он с удовлетворением воспринял сообщение о том, что его жене и детям был выдан вид на постоянное жительство, и продолжал занятия в области права и подготовку к экзаменам.

11.3 После новых утверждений о жестоком обращении, с которыми выступили адвокат заявителя, его египетский адвокат и НПО, правительство государства-участника провело дополнительное расследование. 18 мая 2004 года оно направило в Египет в качестве специального посланника г-жу Лену Ельм-Валлен, бывшего министра иностранных дел и заместителя премьер-министра, в сопровождении Генерального директора по правовым вопросам министерства иностранных дел Швеции. Посланник встретила с заместителем министра юстиции Египта и министром, ответственным за деятельность Службы общей разведки (СОР), и выразила обеспокоенность государства-участника в связи с предполагаемым грубым обращением с заявителем в течение первых недель после его возвращения в Египет. Она обратилась с просьбой о проведении независимого и беспристрастного расследования в связи с соответствующими утверждениями, в том числе о проведении международной медицинской экспертизы. Египетское правительство отклонило эти утверждения как необоснованные, но согласилось провести расследование. Впоследствии, 1 июня 2004 года, министр иностранных дел Швеции направила письмо египетскому министру, ответственному за деятельность СОР, в котором она указала, что для того, чтобы египетское расследование получило как можно более широкое международное признание, оно должно быть проведено независимым органом или с его участием, включая проведение судебно-медицинской экспертизы, и предпочтительно с привлечением международных экспертов, обладающих признанной квалификацией в области расследования применения пыток. Она также заявила о готовности обеспечить участие шведского должностного лица, например старшего офицера полиции или прокурора. Она добавила, что крайне важно, чтобы борьба с терроризмом велась при полном соблюдении норм права и в соответствии с международными обязательствами в области прав человека. В своем ответе, датированном концом июля 2004 года, ответственный египетский министр опроверг утверждения о жестоком обращении как

необоснованные, сославшись без каких-либо подробностей на проведенные в Египте расследования. Подтвердив факт сокращения назначенного заявителю по приговору срока наказания, он, тем не менее, не дал прямого ответа на просьбу Швеции в отношении проведения независимого расследования.

11.4 Государство-участник заявляет, что его правительство не удовлетворено ответом Египта. Крайне важно, чтобы в процессе рассмотрения возможных дальнейших действий правительство получило подтверждение того, что такие действия будут соответствовать собственным желаниям заявителя, так как дальнейшие меры не должны каким-либо образом негативно сказаться на его правовых интересах, безопасности или благополучии. В этих обстоятельствах необходимо также, чтобы египетское правительство согласилось с любыми дальнейшими усилиями в области расследования и содействовало проведению такого расследования.

11.5 Государство-участник вновь заявило, что его предыдущие представления, основанные на недостатках повторного судебного разбирательства, выходят за рамки настоящего дела, которое сводится к тому, было ли возвращение заявителя в Египет осуществлено в нарушение абсолютного запрещения пыток. Оно вновь утверждает, что заявитель не обосновал свою жалобу о том, что после возвращения он подвергался жестокому обращению и что, таким образом, предоставленные гарантии не были соблюдены. Государство-участник напоминает, что ключевой вопрос, требующий решения, состоит в том, что, исходя из полученных гарантий, имело основания полагать его правительство на момент высылки. Соответственно, государство-участник выполнило свои обязательства по Конвенции, в том числе по статье 3.

11.6 В письме от 16 октября 2004 года адвокат ответил на дополнительные представления государства-участника, указав, что описанные государством-участником обстоятельства четырех посещений в период с мая по август 2004 года остаются неясными, однако, по всей вероятности, во время этих посещений присутствовали египетские должностные лица и свободное общение было затруднено. Что касается посещения заявителя в больнице, то ситуация, возможно, была иной. Адвокат критикует государство-участник за его заявление о том, что тюрьма Масра-Торах, по всей видимости, является тем местом заключения, где заявитель отбывает назначенный ему по приговору срок заключения; при этом адвокат утверждает, что, поскольку хорошо известно, что заявитель отбывает свой срок по приговору в тюрьме Эскебаль-Торах, государство-участник, по-видимому, неправильно информировано об обстоятельствах его содержания под стражей.

11.7 Адвокат утверждает, что, согласно поставленному в Швеции диагнозу, состояние спины заявителя уже характеризовалось умеренной стадией заболевания. Эти проблемы обострились после его возвращения, и в 2003 году он был доставлен на обследование в каирскую больницу, где ему была рекомендована хирургическая операция. Эта "абсолютно необходимая" хирургическая операция была в действительности проведена лишь годом позднее. Заявитель находился в больнице в течение 11 дней под надзором, и посещения его членами семьи контролировались. Затем, хотя он еще далеко не поправился, его перевезли назад в тюрьму не в машине скорой помощи, а в обычном автомобиле. Адвокат утверждает, что государство-участник знало о состоянии здоровья заявителя, но не обращало внимания на него в течение двух с половиной лет и в этот период допускало такое обращение с ним, как содержание в "крохотных камерах" со связанными позади спины руками. Помимо того, что такое обращение само по себе причиняло сильную боль, оно могло серьезным образом ухудшить состояние его здоровья.

11.8 Адвокат утверждает, что сокращение назначенного по приговору наказания не влияет на то, как обращаются и будут обращаться с заявителем до его освобождения. Что касается изучения им права, то неизвестно, смог ли и каким образом заявитель сдать какие-либо экзамены. Адвокат отрицает, что в течение лета 2004 года положение заявителя значительно улучшилось, соглашаясь при этом лишь с тем, что оно улучшилось по сравнению с положением, в котором он оказался сразу же после возвращения, утверждая, что еще в марте 2004 года заявитель содержался в крохотной камере без надлежащего санитарного оборудования и достаточного доступа к воде. По-прежнему существует значительная опасность того, что заявитель будет подвергаться пыткам или схожему с ними обращению. В любом случае адвокат утверждает, что нынешнее состояние здоровья заявителя не позволяет определить, какому обращению он подвергался в прошлом.

11.9 Адвокат указывает на то, что египетский адвокат заявителя подал ходатайство о пересмотре приговора в Высший суд по делам государственной безопасности на тех основаниях, что военный суд первой инстанции неправильно оценил доказательства, что предварительное расследование характеризовалось серьезными недостатками, что в ходе процесса были нарушены права защиты и что во время расследования заявитель подвергался насилию и пыткам. Египетский адвокат также подал египетскому министру внутренних дел, Главному государственному прокурору и Генеральному директору Управления тюрем особую жалобу с утверждениями о том, что во время пребывания заявителя в больнице он подвергался ненадлежащему обращению; в частности, его якобы приковывали цепями к кровати и лишали возможности двигаться, ссылаясь на медицинские соображения, и перевели назад в тюрьму, прежде чем он поправился.

11.10 Адвокат утверждает, что после того, как телевизионная программа, упомянутая в пункте 10.2 выше, получила широкий общественный резонанс, государство-участник изменило свою позицию, перейдя от решительного отрицания факта применения пыток к "более сдержанной позиции", проявившейся в тех мерах, которые были приняты им в тот период в рамках диалога с Египтом. Адвокат указывает, что Египет категорически отверг как необоснованные утверждения, которыми подкреплялись просьбы Швеции о проведении расследования, даже не представив каких-либо подробных данных о якобы уже проведенном расследовании. Это обстоятельство дает серьезные основания полагать, что заявитель действительно подвергнулся пыткам, поскольку Египет значительно выиграл бы, если бы путем проведения независимого расследования, которое показало бы, что заявитель не подвергнулся пыткам, он мог продемонстрировать другим странам, что ему можно без опасений доверять в вопросах возвращения особо важных заключенных и соблюдения предоставленных гарантий.

11.11 Адвокат отмечает очевидное нежелание государства-участника оказать дальнейшее давление на египетские власти в силу того, что, по мнению государства-участника, тем самым может быть причинен ущерб правовым интересам или благополучию заявителя. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в противоположность той позиции, которой оно придерживалось ранее, государство-участник признает, что заявителю угрожает опасность внешнего давления на него в случае выдвижения им настоятельных требований о проведении независимого расследования. В действительности заявитель неоднократно сообщал через своих родственников о том, что он хотел бы, чтобы была обеспечена по возможности максимальная защита его интересов.

11.12 Адвокат ссылается далее на соответствующую практику национальных судов. В деле г-на Биласи-Ашри египетское правительство отказалось предоставить комплекс подробных гарантий, включая контроль после возвращения, который был запрошен министром юстиции Австралии в соответствии с решением по этому вопросу, принятым австралийским апелляционным судом. В деле Ахмеда Закаева британский суд по делам об экстрадиции пришел к заключению, что реальная опасность применения пыток не исключается вследствие заверений, которые были даны в открытом судебном заседании российским заместителем министра, в ведении которого находятся места лишения свободы. Адвокат утверждает, что столь же жесткий подход, обеспечивающий эффективную защиту, предусмотренную правовой системой, следовало бы применить и в деле заявителя.

11.13 Адвокат представляет дополнительную информацию по поводу ранее упоминавшегося в пункте 10.2 выше участия Соединенных Штатов Америки в деле

заявителя, ссылаясь на книгу Сеймура Херша "Chain of Command" ("Цепь насилия"). В этой книге утверждалось, что "операция в Бромма" (имеется в виду аэропорт, из которого был выслан заявитель) была осуществлена в рамках программы особого допуска сотрудниками министерства обороны Соединенных Штатов, которые занимаются возвращением подозреваемых террористов в их страны происхождения с использованием "нетрадиционных методов". Указывается, что высылка заявителя была одной из первых проведенных в рамках этой программы операций, которая была охарактеризована участвовавшим в ней агентом как "одна из наименее успешных". По мнению адвоката, факт участия третьего государства на этапе высылки в контексте борьбы с терроризмом должен был подтвердить то, что уже было известно государству-участнику из имевшейся у него информации о распространенной практике применения пыток в Египте и особой уязвимости заявителя, т.е. что существовала реальная опасность применения пыток в момент его высылки в нарушение статьи 3.

11.14 В своем следующем письме от 16 ноября 2004 года адвокат передал копию представленного Комитету доклада Организации по наблюдению за осуществлением прав человека, озаглавленного "Выражаемая в последнее время обеспокоенность по поводу расширения практики использования дипломатических заверений как гарантий неприменения пыток". В этом докладе анализируются недавние примеры дипломатических заверений со стороны таких государств, как Германия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Соединенное Королевство и Канада. В докладе утверждается, что такие заверения все чаще рассматриваются в качестве способа несоблюдения абсолютного характера обязательств в отношении невысылки и переходят из области борьбы с терроризмом в сферу претензий беженцев. В нем утверждается, что заверения обычно пытаются получить только от тех стран, где применение пыток является серьезной и систематической проблемой, которая лишь подтверждает факт существования реальной опасности применения пыток в таких случаях.

11.15 На основании национального опыта в докладе делается вывод о том, что заверения не являются достаточной гарантией по целому ряду причин. Для защиты прав человека не подходит дипломатия с ее тенденцией применять нетранспарентные процедуры и рассматривать отношения между государствами в качестве главного соображения. Такие заверения равносильны проявлению доверия к систематическому нарушителю, которому в иных случаях нельзя доверять в том, что касается соблюдения им своих международных обязательств. Они также равносильны предоставлению систематическому нарушителю "разрешения" в связи с каким-либо отдельным случаем, хотя известно, что в других случаях широко применяется практика пыток. И наконец, эффективность контроля, осуществляемого после возвращения, весьма ограничена вследствие невозможности обнаружить следы многих пыток, применяемых профессионалами, отсутствия в рамках

типичных контрольных процедур требования о медицинском освидетельствовании, нежелания жертв сообщать о применении к ним пыток из-за опасений возмездия и нежелания высылающего государства или принимающего государства брать на себя какую-либо ответственность за применение пыток к отдельному лицу.

11.16 В заключение в докладе содержится ссылка на доклад, представленный Генеральной Ассамблее в октябре 2004 года Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций по вопросу о пытках, который утверждает, что к дипломатическим заверениям не следует прибегать в обстоятельствах, когда пытки носят систематический характер, и что если какое-либо лицо является членом отдельной группы, которая обычно выбирается в качестве объекта и подвергается пыткам, то этот фактор должен приниматься во внимание. В отсутствие любого из этих факторов Специальный докладчик не исключает возможности использования заверений при условии, что они отражают однозначную гарантию, которая является значимой и поддается проверке.

12.1 В письме от 11 марта 2005 года государство-участник направило дополнительные представления по существу жалобы. Оно отметило, что посольство Швеции в Каире продолжает контролировать положение заявителя и 3 октября 2004 года, 21 ноября 2004 года, 17 января 2005 года и 2 марта 2005 года имели место дальнейшие посещения заявителя в тюрьме Торах. В интересах ясности государство-участник отмечает, что на территории тюрьмы имеется несколько зданий, одно из которых называется Масра, а другое - Эстекбаль. В различные периоды заявитель содержался и в той, и в другой частях тюрьмы, и посещения имели место в обеих частях тюрьмы.

12.2 Что касается его правового положения, то заявитель сообщил, что он поручил своему египетскому адвокату направить петицию президенту Египта с просьбой о проведении нового судебного разбирательства в гражданском суде, сославшись на обязательство, взятое на себя Египтом до его высылки из Швеции, в отношении того, что ему будет обеспечено справедливое судебное разбирательство. Он не встречался лично с адвокатом; как представляется, инструкции адвокату давала его мать. По словам заявителя, впоследствии адвокат сообщил ей о том, что петиция была подана. Однако заявитель особенно не надеялся на положительные результаты подачи такой петиции.

12.3 Что касается состояния его здоровья, то в соответствии с планом лечения заявитель поправлялся после операции на спине, которую он перенес в августе 2004 года в университетской больнице в центре Каира. По возвращении в тюрьму Торах он провел некоторое время в тюремной больнице, а затем его вернули в обычную камеру. Он прошел курс физиотерапии и так называемую магнитно-резонансную томографию, в ходе которой ему был сделан рентген спины. Он пожаловался на отсутствие дальнейших

сеансов физиотерапии, которые, по его словам, должны были проводиться в больнице. Это объяснялось тем фактом, что в тюрьме не имелось необходимого оборудования. Для того чтобы лучше вылечить его спину, был запланирован специальный курс магнитотерапии.

12.4 Касаясь вопроса об общих условиях содержания под стражей, государство-участник отмечает, что к марту 2005 года заявитель был переведен в отдельную камеру. Он по-прежнему имел свидания со своей матерью, которая приносила ему книги, одежду и дополнительные продукты питания. Судя по всему, она также регулярно передавала ему информацию о его семье, находящейся в Швеции. Однако он жаловался на то, что его просьба позвонить жене и детям была отклонена. Кроме того, он намеревался продолжать свои занятия в области права. В течение осени ему удалось сдать еще ряд экзаменов.

12.5 В дополнение к мерам, которые были описаны в его последних представлениях Комитету 21 сентября 2004 года, государство-участник заявляет, что оно предприняло дальнейшие усилия, с тем чтобы начать проведение расследования жестокого обращения, которому заявитель якобы подвергся со стороны египетских властей на первоначальном этапе содержания под стражей. В новом письме на имя египетского министра, отвечающего за деятельность СОР, от 29 сентября 2004 года министр иностранных дел Швеции г-жа Лайла Фрейвальдс отреагировала на ответ, полученный от него в июле того же года. Г-жа Фрейвальдс отметила, что письмо, полученное ею в июле 2004 года, не содержало информации о том, какие расследования были проведены египетскими властями и на чем основаны заключения египетского министра. В свою очередь она сделала вывод о том, что в данных обстоятельствах она не исключает, что ей придется вновь обратиться к нему по тому же вопросу на более позднем этапе.

12.6 В ходе посещения заявителя представителями посольства Швеции 3 октября 2004 года вновь был поставлен вопрос о позиции заявителя в отношении дальнейших расследований и утверждений о жестоком обращении. Когда этот вопрос был поставлен перед ним впервые (во время посещения 14 июля 2004 года), назначенный заявителю по приговору срок тюремного заключения был только что сокращен до 15 лет и он был обеспокоен тем, что новые расследования могут негативно сказаться на его шансах на дальнейшее сокращение срока на основании его хорошего поведения. Однако 3 октября 2004 года позиция заявителя изменилась. Он заявил тогда, что выступает за проведение независимого расследования, и сказал, что готов содействовать такому расследованию.

12.7 Ввиду важного значения, которое государство-участник придает пожеланиям самого заявителя, оно расценило новую позицию заявителя как дающую возможности для принятия государством-участником дальнейших мер. Поскольку предусматриваемое

расследование естественным образом потребует дополнительного одобрения и содействия со стороны египетского правительства, 26 октября 2004 года послу Швеции в Египте было поручено поставить этот вопрос перед египетским министерством иностранных дел на как можно более высоком уровне. Поэтому 1 ноября 2004 года посол встретился с египетским министром иностранных дел. Посол сообщил, что шведское правительство по-прежнему обеспокоено утверждениями о том, что заявитель подвергался пыткам и другим видам жестокого обращения в течение первоначального периода после его возвращения в Египет. Посол подчеркнул необходимость проведения тщательного, независимого и беспристрастного расследования утверждений в соответствии с принципом верховенства закона и с использованием приемлемых для международного сообщества способов. В ответ на эти замечания посол был проинформирован о намерении министра обсудить данный вопрос с министром, отвечающим за деятельность СОР. Египетский министр иностранных дел предвидел, однако, две проблемы в связи с международным расследованием. Во-первых, в Египте нет традиций приглашения представителей международного сообщества для расследования внутренних дел такого характера. Это рассматривалось бы, вероятно, как нежелательное вмешательство во внутренние дела. Во-вторых, попытка доказать, что жестокое обращение не имело места, могла бы создать проблему скорее технического характера, в частности в силу того факта, что со времени якобы имевшего место жестокого обращения прошло несколько лет.

12.8 Государство-участник сообщает, что в качестве последующего шага после встречи с министром иностранных дел его посол 22 ноября 2004 года и 21 декабря 2004 года встретился с заместителем государственного секретаря СОР. Во время первой из этих встреч заместитель государственного секретаря упомянул, что Египет стремится выполнить, насколько это возможно, просьбу правительства Швеции о проведении расследования. Однако во время второй встречи послу было вручено письмо министра, отвечающего за деятельность СОР, в котором содержался официальный ответ египетского правительства на повторную просьбу Швеции о проведении расследования. Содержание этого письма было сходным с содержанием предыдущих писем, полученных от того же министра в июле 2004 года. Так, утверждения, касающиеся жестокого обращения с заявителем, были вновь отвергнуты как необоснованные. Более того, не было дано прямого ответа на просьбу о проведении независимого расследования.

12.9 Этот вопрос был вновь затронут г-жой Фрейвальдс во время визита в Стокгольм 15 февраля 2005 года заместителя министра иностранных дел Египта, отвечающего за многосторонние вопросы. Г-жа Фрейвальдс проинформировала египетского заместителя министра о деле заявителя и утверждениях, касающихся жестокого обращения с ним. Она подчеркнула, что в общих интересах Швеции и Египта следует рассмотреть эти утверждения, и попросила заместителя министра, используя его влияние на египетские

власти, поддержать позицию Швеции. Заместитель министра заверил ее, что по возвращении в Каир он поставит этот вопрос.

12.10 Государство-участник также указывает, что вопрос о международном расследовании обсуждался с Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека г-жой Луизой Арбур во время ее визита в Стокгольм в декабре 2004 года. В ходе встречи г-жа Фрейвальдс объяснила, что шведское правительство приветствовало бы любые усилия, которые могли бы быть предприняты Верховным комиссаром с целью проведения расследования утверждений о том, что заявитель подвергался пыткам или другим формам жестокого обращения во время содержания под стражей в Египте. Государство-участник также отмечает, что расследование, начатое шведским Главным парламентским уполномоченным по правам человека для выяснения обстоятельств исполнения решения правительства о высылке заявителя из Швеции, еще не завершено.

12.11 Государство-участник напоминает, что уже в мае 2004 года адвокат заявителя передал Комитету письменное сообщение о докладе посольства о первом посещении заявителя 23 января 2002 года после его возвращения в Египет. Копия доклада был представлена адвокатом Комитету в августе 2004 года. Поэтому, по мнению государства-участника, Комитету была предоставлена тем самым вся необходимая информация для рассмотрения им настоящего дела. Прежде чем объяснить тот факт, что доклад не был представлен в полном объеме правительством в его первоначальных замечаниях от 5 декабря 2003 года, государство-участник передает нижеследующий перевод соответствующей части доклада посла:

"Агиза и [фамилия еще одного лица] только что были переведены в тюрьму Торах после того, как в течение 30 дней их допрашивали в помещениях службы безопасности в другой части Каира. Обращение с ними в тюрьме Торах было "отличным". Однако у них имелся ряд жалоб, связанных с периодом между их задержанием в Швеции и переводом в тюрьму Торах: чрезмерная жестокость со стороны шведской полиции при их задержании; принудительное содержание в неудобных позах в самолете во время перевозки в Египет; принудительное завязывание глаз во время допросов; содержание в слишком маленьких камерах размером 1,5 м x 1,5 м в течение того же периода; недосыпание вследствие наблюдения за ними в камерах; десятидневная задержка, перед тем как Агиза после медицинского освидетельствования вновь получил доступ к лекарствам от язвы желудка; получение ударов от охранников во время доставки на допросы и при возвращении; угрозы со стороны допрашивающего, что могут возникнуть последствия для семьи Агизы, если он не сообщит все о своем пребывании в Иране и

т.д. Мне невозможно установить обоснованность этих претензий. Однако я могу отметить, что оба мужчины, даже отвечая на мои прямые вопросы, никоим образом не утверждали, что они подвергались каким-либо систематическим физическим пыткам, и что они считают хорошим обращение с ними в тюрьме Торах".

12.12 Государство-участник утверждает, что ему известны трудности, с которыми сталкивался в прошлом Комитет, пытаясь обеспечить соблюдение конфиденциального характера своей работы. По этой причине государство-участник с большой осторожностью формулировало свои представления, когда они были связаны с раскрытием информации, признанной секретной на основании шведского Закона о сохранении тайны. Для государства-участника вопрос заключался в том, чтобы сбалансировать необходимость раскрытия информации с целью обеспечения Комитету точной фактологической основы для надлежащего отправления правосудия, с одной стороны, и необходимость сохранения хороших отношений Швеции с иностранными державами, защиты интересов национальной безопасности и безопасности отдельных лиц, с другой стороны.

12.13 Государство-участник утверждает, что его позиция в этом отношении должна рассматриваться с учетом опыта, приобретенного в ходе разбирательства дела Ханан Аттия¹⁸. По мнению государства-участника, в ходе разбирательства этого дела стало очевидным, что озабоченность по поводу конфиденциальности, существовавшая уже в то время, была необоснованной. В связи с этим делом Комитет в сентябре 2002 года предоставил государству-участнику возможность отозвать свои первоначальные представления от 8 марта 2002 года и представить новый вариант ввиду того факта, что Комитет не мог гарантировать, что "любая информация, представленная сторонами в этом деле, не будет раскрыта в каких-либо из его решений или мнений по существу дела". Кроме того, в январе 2003 года адвокат Ханан Аттия приложил к своим собственным замечаниям информационную записку, полученную от организации "Международная амнистия" в Лондоне, из которой ясно следовало, что замечания государства-участника от 8 марта 2002 года были переданы адвокатом в распоряжение организации "Международная амнистия".

12.14 Государство-участник утверждает, что его обеспокоенность по поводу способности Комитета обеспечить соблюдение конфиденциального характера своей работы нашла отражение в неоднократных просьбах и замечаниях государства-участника по поводу конфиденциальности информации, которая была действительно включена в первоначальные замечания по настоящему делу от 5 декабря 2003 года. Однако в свете

¹⁸ Там же.

вышесказанного был сделан вывод о том, что может быть раскрыта лишь часть секретной информации, содержащейся в письменном заключении полиции безопасности от 30 октября 2001 года, направленном Совету по вопросам миграции. Другой вывод заключался в том, что информация, содержащаяся в докладе посольства о состоявшемся 23 января 2002 года первом посещении заявителя, находившегося под стражей, также не должна быть полностью раскрыта. Основанием для последнего вывода является то, что нельзя исключить возможность, что информация о жестоком обращении, сообщенная заявителем во время первого посещения его сотрудниками посольства, впоследствии станет достоянием гласности и тем самым станет известна египетским властям.

12.15 Государство-участник заключает, что по этим причинам не вся информация, полученная в ходе первого посещения заявителя сотрудниками посольства, была передана Комитету. Если бы такая неподтвержденная информация была раскрыта на том этапе и при непосредственной помощи шведского правительства, это могло бы привести к репрессалиям в отношении заявителя. Опасность репрессалий не была сочтена незначительной, независимо от того, была ли эта информация достоверной или нет. Если бы информация о жестоком обращении с заявителем была достоверной, - хотя такое обращение, по всей видимости, не было равносильно пыткам по смыслу Конвенции, - это означало бы, что дипломатические заверения не имели предполагаемого эффекта в плане защиты заявителя от обращения, нарушающего международные обязательства Швеции, включая обращение, запрещенное согласно статье 3 Европейской конвенции о правах человека. В таком случае существовала бы очевидная опасность того, что вследствие раскрытия информации заявитель мог бы подвергнуться риску дальнейшего жестокого обращения и, возможно, даже пыток. С другой стороны, если бы раскрытая информация была недостоверной, это можно бы оказать негативное влияние на отношения между Швецией и Египтом. Это в свою очередь могло бы вызвать проблемы, в том что касается усилий по контролю со стороны посольства. В этой ситуации после оценки различных рисков был сделан вывод о том, что наиболее оптимальная линия поведения - дождаться доклада о следующем посещении заявителя сотрудниками посольства.

12.16 Государство-участник указывает, что, согласно докладу посольства о его втором посещении заявителя в месте его содержания под стражей, в тот момент не имелось каких-либо данных о применении пыток или иного жестокого обращения. Однако даже еще до третьего посещения, состоявшегося 14 апреля 2002 года, распространялась информация о том, что мать заявителя публично сообщила, что после возвращения ее сына в Египет к нему применялись пытки. Доклад посольства о первом посещении, состоявшемся 23 января 2002 года, подтвердил информацию, представленную матерью заявителя, а именно то, что посещение, во время которого она якобы заметила на теле своего сына признаки жестокого обращения, было прервано из-за первого посещения

заявителя шведским послом. Тот факт, что посол сообщил о том, что в тот же самый день он не смог заметить каких-либо признаков физического насилия, заставил государство-участник поставить под сомнение правдивость утверждений матери заявителя и повлиял на его оценку достоверности информации, которая была сообщена послу самим заявителем во время того же посещения.

12.17 Государство-участник отмечает, что в течение следующего года от заявителя не поступало новой информации о жестоком обращении и постепенно укреплялось мнение о том, что информация, представленная во время первого посещения заявителя сотрудниками посольства, была недостоверной. Крайне важно было, чтобы посольство не лишилось возможностей для осуществления контроля на регулярной основе, что могло бы произойти в том случае, если бы государство-участник уже в первые месяцы 2002 года передало Комитету неподтвержденную или недостоверную информацию. Поэтому с учетом ситуации, сложившейся в апреле 2002 года, когда стало известно содержание письма матери заявителя, было в конечном счете сочтено нецелесообразным дополнять на том этапе информацию о первом посещении заявителя сотрудниками посольства, уже представленную государством-участником в его замечаниях от 8 марта 2002 года.

12.18 После того как 5 марта 2003 года заявитель повторил свои жалобы о жестоком обращении с ним египетских властей на первоначальных этапах его содержания под стражей, у государства-участника сформировалось иное мнение. На этот раз утверждения были более серьезными и содержали жалобы о том, что он подвергался пыткам с применением электрошока. Уже сам факт того, что больше чем через год заявитель вспомнил о событиях, которые якобы имели место еще в начале периода его содержания под стражей, способствовал тому, что в марте 2003 года сформировалось иное мнение. Поэтому утверждения о применении пыток были незамедлительно доведены до сведения представителей соответствующих египетских властей, которые категорически опровергли их. Государство-участник сообщило информацию, переданную заявителем, и реакцию на нее египетских властей в своих представлениях Комитету от 26 марта 2003 года. Следует вновь отметить, что эта информация была значительно более серьезной по сравнению с информацией, переданной заявителем годом ранее, и что она касалась того же периода.

12.19 Государство-участник далее утверждает, что к марту 2003 года основания для соблюдения конфиденциальности были не столь весомыми, как раньше. Даже если информация, полученная во время десятого посещения заявителя сотрудниками посольства 5 марта 2003 года, стала бы в конечном счете достоянием гласности - несмотря на то, что обсуждения в Комитете носят конфиденциальный характер в соответствии с применимыми положениями Конвенции и собственными правилами процедуры Комитета, - негативные последствия этого уже не считались такими же серьезными, как

раньше. После первоначальных представлений государства-участника Комитету соответствующая информация уже была распространена, что - в случае достоверности этой информации - было равносильно нарушению Египтом данных им дипломатических заверений. Кроме того, вопрос о применении пыток уже был поставлен перед египетскими властями в марте 2003 года. Более того, контроль со стороны посольства осуществлялся к этому времени в течение более одного года и превратился в обычную практику для египетских властей, посольства и самого заявителя. Таким образом, уже было маловероятным, что будет оказано негативное влияние на процедуры контроля, так что в будущем сложнее будет обеспечить постоянную эффективность заверений. Государство-участник также подчеркивает, что утверждения, выдвинутые заявителем во время первого посещения его сотрудниками посольства, не являлись, по его мнению, утверждениями о пытках по смыслу Конвенции. Однако очевидно, что жестокое обращение, на которое жаловался заявитель в тот период, было равносильно бесчеловечному и, возможно, также жестокому обращению, если бы эти утверждения были обоснованы.

12.20 Государство-участник отсылает Комитет к недавнему решению Большой палаты Европейского суда по правам человека от 4 февраля 2005 года по делу Маматкулов и др. против Турции. Это дело касалось выдачи заявителей в марте 1999 года Узбекистану на основании двустороннего договора с Турцией. Оба заявителя подозревались в убийстве, нанесении телесных повреждений третьим лицам в результате подрыва бомбы в Узбекистане и покушении на террористическое нападение на президента Узбекистана. После их выдачи они были признаны виновными в совершении различных преступлений и приговорены в 20 и 11 годам тюремного заключения, соответственно.

12.21 В Европейском суде заявители утверждали, что Турция нарушила, в частности, статью 3 Европейской конвенции. В свою защиту Турция сослалась на заверения в отношении обоих заявителей, данные узбекскими властями. Согласно этим заверениям, данным государственным прокурором Республики Узбекистан, заявители не будут подвергаться актам пыток и не будут приговорены к смертной казни. Заверения также содержали информацию о том, что Узбекистан является участником Конвенции против пыток и принимает на себя и подтверждает свое обязательство выполнять требования положений этой Конвенции "в отношении как Турции, так и международного сообщества в целом". В октябре 2001 года официальные должностные лица из посольства Турции в Ташкенте посетили заявителей в соответствующих местах их содержания под стражей. Как сообщалось, состояние их здоровья было хорошим и они не жаловались на условия их содержания в тюрьме. Турция также сослалась на медицинские свидетельства, составленные военными врачами в тюрьмах, где содержались заявители.

12.22 Государство-участник отмечает, что Европейский суд оценивал существование такой опасности в первую очередь с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны государству-участнику на момент выдачи, с учетом того, что та информация, которая становится известной после выдачи, может иметь значение для подтверждения или отклонения оценки, данной государством-участником в отношении обоснованности или необоснованности опасений заявителя. Суд пришел к заключению, что он должен оценить ответственность Турции по статье 3 исходя из той ситуации, которая существовала на дату выдачи заявителей, т.е. на 27 марта 1999 года. Принимая во внимание сообщения международных правозащитных организаций, осуждающие административную практику пыток и других форм жестокого обращения с политическими диссидентами проводимую узбекским режимом репрессивную политику в отношении таких диссидентов, Суд заявил, кроме того, что, хотя эти факты характеризуют общую ситуацию в Узбекистане, они не подкрепляют конкретных утверждений заявителей в этом деле и требуют подкрепления другими доказательствами. С учетом заверений, полученных Турцией, и медицинских заключений, составленных врачами в узбекских тюрьмах, в которых содержались заявители, Суд пришел к заключению, что он не в состоянии установить, что на соответствующую дату имелись существенные основания полагать, что заявителям угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, запрещенному статьей 3 Европейской конвенции.

12.23 Государство-участник предлагает Комитету использовать такой же подход. Оно указывает, что заверения, аналогичные заверениям в деле, рассматривавшемся Европейским судом, действительно были получены правительством Швеции в рамках данного дела. Хотя гарантии, данные в этом деле, не касаются обязательств Египта по Конвенции против пыток, это не имеет особого значения, поскольку Египет, как и Узбекистан, фактически связан обязательствами по этой Конвенции. Вызывает сомнения то, что ценность заверений должна считаться более высокой просто потому, что в них упоминаются обязательства государства в области прав человека. Важным фактором должно быть то обстоятельство, что соответствующее государство фактически обязалось соблюдать положения конвенции по правам человека, став ее участником. Тот факт, что Египет является участником Конвенции против пыток, был известен государству-участнику, когда оно получало дипломатические заверения в данном деле и в дальнейшем принимало решение о высылке заявителя.

12.24 Государство-участник утверждает далее, что заверения, полученные в настоящем деле, должны рассматриваться как имеющие даже более значительный вес, чем заверения в деле против Турции, поскольку они были даны лицом, отвечающим за деятельность египетской службы безопасности. Трудно представить себе какое-либо другое лицо в Египте, которое в силу своего положения могло бы более эффективно обеспечить, чтобы

дипломатические заверения действительно имели предполагаемый эффект, а именно защищали бы заявителя от обращения, противоречащего обязательствам Швеции по нескольким договорам о правах человека.

12.25 Государство-участник признает, что в настоящем деле не упоминались какие-либо медицинские свидетельства. Однако медицинские свидетельства, полученные в деле против Турции, были выданы узбекскими военными врачами, работавшими в тюрьмах, где содержались заявители в этом деле. По мнению государства-участника, такие свидетельства представляют ограниченную ценность ввиду того, что они не были составлены экспертами, которые могли бы считаться подлинно независимыми по отношению к соответствующим государственным органам. Кроме того, в настоящем деле отсутствие соответствующих медицинских свидетельств должно в разумной мере компенсироваться механизмом контроля, введенным правительством Швеции. К настоящему моменту сотрудники его посольства в Каире почти 30 раз посещали заявителя в местах его содержания под стражей. Эти посещения имели место на протяжении периода времени, составляющего более трех лет. Этот факт следует сопоставить с единственным посещением заявителей двумя должностными лицами из посольства Турции в Ташкенте, которое состоялось более чем через два с половиной года после выдачи заявителей в деле, которое рассматривалось Европейским судом.

12.26 В письме от 7 апреля 2005 года адвокат заявителя сделал дополнительные представления. В отношении медицинского обслуживания адвокат утверждает, что лечение, которое проводилось после хирургической операции заявителя в августе 2004 года, было прервано до наступления полного выздоровления, и он был лишен медицинского лечения в виде микроэлектрического стимулирования, о котором он просил.

12.27 Адвокат отмечает, что в декабре 2004 года и январе 2005 года вопрос о высылке заявителя и аналогичное дело обсуждались в шведском парламенте и средствах массовой информации. Премьер-министр и министр по вопросам иммиграции заявили, что высылаемые лица являются террористами и их высылка необходима для предотвращения дальнейших нападений и лишения их возможности надежного убежища. Согласно адвокату, об этих утверждениях заявителю было сообщено египетскими должностными лицами во время допроса. По мнению адвоката, это свидетельствует о том, что египетские секретные службы по-прежнему проводят допросы заявителя и пытаются добиться от него информации, создавая для него таким образом постоянную опасность пыток.

12.28 Адвокат приводит датированные 22 марта 2005 года заключения (на шведском языке с резюме на английском языке) проведенных парламентским омбудсменом расследований обстоятельств депортации из Швеции в Каир, при этом особое внимание уделяется обращению с высылаемыми лицами в аэропорту Бромма. Согласно резюме омбудсмана, за несколько дней до 18 декабря 2001 года Центральное разведывательное управление предложило шведской тайной полиции воспользоваться самолетом для осуществления прямой высылки в Египет. После информирования министра внутренних дел тайная полиция, по-видимому, согласилась. В середине дня 18 декабря секретной полиции было сообщено о том, что на борту будут находиться сотрудники американской службы безопасности и что они хотят проверить безопасность высылаемых лиц. Эта проверка была организована в полицейском участке аэропорта Бромма в Стокгольме.

12.29 Сразу после решения правительства во второй половине дня 18 декабря высылаемые лица были помещены под охрану шведской полиции и затем доставлены в аэропорт Бромма. Американский самолет приземлился чуть раньше 9 часов вечера. Несколько сотрудников американской службы безопасности, на которых были надеты маски, провели проверку безопасности, которая включала как минимум следующие действия. Одежда высылаемых лиц была разрезана ножницами и снята, их тела были обследованы, руки и ноги связаны, на них были одеты комбинезоны, а головы закрыты свободными капюшонами. После этого их босыми провели в самолет, где привязали к подушкам сидений. В этом положении они оставались во время всего полета в Египет. Утверждалось, что высылаемым лицам ректально ввели седативное средство, название которого омбудсмену не удалось установить во время расследования. По мнению омбудсмана, сотрудники тайной полиции проявляли пассивность во время всей этой процедуры. Омбудсмен считал, что с учетом того факта, что предложение американской стороны было получено лишь через три месяца после событий 11 сентября, можно было бы ожидать, что тайная полиция выяснит, было ли американское предложение связано с какими-либо специальными мерами в отношении безопасности. Никакого подобного запроса сделано не было, даже когда тайной полиции было сообщено о факте присутствия американских сотрудников безопасности и их желании провести проверку безопасности. Когда фактический смысл проверки безопасности стал очевиден во время ее проведения в аэропорту Бромма, присутствующая при этом шведская полиция по-прежнему не приняла никаких мер.

12.30 По мнению омбудсмана, данное расследование показало, что шведская тайная полиция утратила контроль за ситуацией в аэропорту и во время перелета в Египет. Руководство на себя взяли американские сотрудники безопасности, которым позволили провести самостоятельную проверку безопасности. Подобный полный отказ от полномочий на осуществление государственной власти на шведской территории явно

противоречил, по мнению омбудсмана, шведскому законодательству. Кроме того, как минимум некоторые из мер принуждения, принятых во время проверки безопасности, противоречили шведскому законодательству. Обращение с высылаемыми лицами в целом также должно рассматриваться в качестве бесчеловечного и, соответственно, неприемлемого и может быть приравнено к унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Омбудсмен подчеркнул, что бесчеловечное обращение, которому были подвергнуты высылаемые лица, нельзя было допускать. Сотрудники тайной полиции должны были принять решение о прекращении процедуры высылки, и они заслуживают суровой критики за то, как они провели эту операцию.

12.31 Адвокат отмечает, что омбудсмен отказался выдвигать обвинение против каких-либо отдельных лиц, поскольку невозможно было привлечь к суду какое-либо отдельное лицо. Адвокат заявляет, что как минимум закрытие лица капюшоном в течение долгого времени было равносильно пытке, и в том, что произошло на борту самолета, можно обвинить Швецию. Адвокат утверждает, что с учетом доминирующей атмосферы государство-участник должно было проявить скептическое отношение к тем причинам, по которым американцы предложили услуги по перевозке высылаемых лиц в Египет, и отказаться принять представленные Египтом гарантии.

12.32 В письме от 12 апреля 2005 года государство-участник представило также резюме доклада омбудсмана "в качестве справочной информации для полного понимания того, что исполнение решения правительства о высылке заявителя из Швеции не является частью того дела, которое в настоящее время находится на рассмотрении Комитета и которое касается вопроса о дипломатических гарантиях Египта в отношении заявителя".

12.33 В письме от 21 апреля 2005 года адвокат заявителя представил окончательные замечания. Он подверг критике условия самых последних посещений государства-участника на том же основании, что и предыдущие посещения. Если говорить о медицинском обслуживании, то заявителя дважды повторно осматривали в том же учреждении, в котором в 2004 году ему была сделана хирургическая операция, и ему, возможно, потребуется еще одна операция. В отношении предлагаемого международного расследования, адвокат утверждает, что единственной причиной, по которой Египет отказывается сотрудничать, является нарушение им представленных гарантий.

12.34 Адвокат отклоняет выдвинутые государством-участником причины, по которым часть первоначального доклада посла была скрыта от Комитета, утверждая, что эти причины могут иметь отношение только к защите заявителя от репрессий со стороны Египта за его открытые высказывания о тех пытках, которым он был подвергнут.

Заявитель выступил со своим утверждением в присутствии тюремного надзирателя и других должностных лиц, и посол поднял данный вопрос в министерстве иностранных дел. В любом случае, поскольку репрессивные меры были уже приняты, государству-участнику ничего не оставалось как защищать свои интересы путем сокрытия информации. О жестоком обращении с автором жалобы уже стало широко известно вскоре после января 2002 года из сообщений матери заявителя и организации "Международная амнистия". Адвокат утверждает, что позиция государства-участника является также отражением "низкого доверия" к египетским гарантиям в целом. Адвокат также ставит вопрос о том, каким образом национальная безопасность могла быть затронута в результате общедоступности информации об утверждениях заявителя. Короче говоря, единственной возможной причиной для сокрытия информации могло быть желание государства-участника избежать неудобной и затруднительной ситуации.

12.35 В отношении передачи им информации, представленной в соответствии со статьей 22 неправительственным организациям, адвокат утверждает, что в то время он не видел никаких препятствий для этого, поскольку ни Конвенция, ни правила Комитета не запрещают, по его мнению, подобные действия. Он собирался передавать эти сведения средствам массовой информации или широкой общественности. В связи с рекомендацией Комитета в отношении того, что представленная заявителем информация носит конфиденциальный характер, адвокат утверждает, что его возможности для защиты заявителя значительно уменьшились, особенно учитывая несоответствие между его ресурсами и ресурсами, имеющимися в распоряжении государства-участника. В любом случае государство-участник сообщило Комитету прочую конфиденциальную информацию службы разведки, усиливая, таким образом, его опасения в отношении того, что конфиденциальная информация будет распространена неправильным образом. Адвокат утверждает, что описанное поведение является, вопреки характеристике посла, попыткой в понимании Комитета, учитывая, что заявитель был, вероятно, вынужден сообщить все обстоятельства послу и что самые серьезные элементы содержались в показаниях его матери.

12.36 При всем уважении к решению Европейского суда по делу Маматкулов и др. адвокат хотел бы выделить отличительные особенности настоящего дела. Он подчеркивает в то же время, что в обоих случаях та быстрота, с которой была осуществлена высылка, исключила возможность эффективного действия механизма подачи жалобы - обстоятельство, которое по мнению Европейского суда явилось нарушением статьи 34 Европейской конвенции. По мнению адвоката, при рассмотрении дела Маматкулова Суд не смог установить нарушения статьи 3 Европейской конвенции, поскольку в отличие от настоящего дела, Суду были представлены недостаточные доказательства. Последующее отличие заключается в том, что обращение в момент

высылки ясно указывает в данном случае на потенциальную опасность пыток. Учитывая профилактическую задачу статьи 3, не может быть правильным, когда осуществляющее высылку государство просто передает, посредством механизма дипломатических гарантий, ответственность за состояние высылкаемого лица принимающему государству.

12.37 И наконец, адвокат представляет Комитету доклад организации "Хьюман райтс уотч" от 15 апреля 2005 года, озаглавленный "Still at Risk: Diplomatic Assurances no Safeguard against Torture" ("По-прежнему в опасности: дипломатические гарантии не являются гарантией от пыток"), в котором дается обзор современного прецедентного права и опыта в области дипломатических гарантий и делается вывод о том, что последние не являются эффективными инструментами для предотвращения опасности в контексте статьи 3. В отношении рассматриваемого дела "Хьюман райтс уотч" утверждает, что "имеются достоверные, а в некоторых случаях бесспорные доказательства того, что указанные гарантии были нарушены" (пункт 59).

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение существа дела

13.1 Комитет рассмотрел существо жалобы в свете всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции. Комитет признает тот факт, что меры, принимаемые для борьбы с терроризмом, включая отказ в убежище, вытекающие из имеющих обязательную силу резолюций Совета Безопасности, являются законными и имеют важное значение. Вместе с тем их необходимо осуществлять при полном уважении применимых норм международного права, включая положения Конвенции, что неоднократно подтверждалось Советом Безопасности¹⁹.

Оценка существа дела по статье 3

13.2 Комитет должен ответить на вопрос, явилась ли высылка заявителя в Египет нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или возвращать лицо другому государству, если существуют серьезные опасения полагать, что ему может угрожать там применение пыток египетскими властями. Комитет отмечает, что этот вопрос должен быть решен в свете информации, которая имела или должна была иметься у властей государства-участника на момент высылки. Последующие события имеют значение для оценки имевшейся у государства-участника фактической или конструктивной информации на момент высылки.

¹⁹ Резолюция 1566 (2004) Совета Безопасности, пункты 3 и 6 преамбулы, резолюция 1456 (2003), пункт 6, и резолюция 1373 (2001), пункт 3 f).

13.3 Комитет должен определить, существовали ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Египет лично заявителю могло угрожать там применение пыток. Комитет напоминает, что цель такого определения состоит в установлении того, подвергалось ли соответствующее лицо личной опасности применения к нему пыток в стране, в которую он был возвращен. Из этого следует, что существование в стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека как таковое не представляет собой достаточного основания для определения того, что конкретному лицу угрожало применение пыток после возвращения в эту страну; должны иметься дополнительные основания, свидетельствующие о том, что соответствующее лицо подвергалось личной опасности. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не могло рассматриваться как подвергающееся опасности применения пыток в его конкретных обстоятельствах.

13.4 Комитет прежде всего считает, что властям государства-участника было известно или должно было быть известно на момент высылки заявителя о том, что Египет прибегает к постоянной и широко распространенной практике применения пыток к задержанным лицам и что опасность подвергнуться такому обращению особенно высока в случае лиц, задержанных по политическим причинам или причинам, связанным с безопасностью²⁰. Государству-участнику было также известно о том, что его собственные разведывательные службы безопасности рассматривали заявителя в качестве лица, причастного к террористической деятельности и представляющего угрозу для его национальной безопасности, и в силу этих причин его обычные суды передали данное дело на рассмотрение правительства для принятия решения на самом высоком уровне исполнительной власти, после чего исключается возможность подачи апелляции. Государству-участнику было также известно об интересе, проявляемом к заявителю разведывательными службами двух других государств: согласно фактам, представленным государством-участником Комитету, первое иностранное государство представило через свою разведывательную службу самолет для доставки заявителя во второе государство, Египет, в котором, как было известно государству-участнику, он был заочно осужден и разыскивался за предполагаемую причастность к террористической деятельности. По мнению Комитета, естественный вывод из этих рассматриваемых в совокупности элементов, заключающийся в том, что заявителю угрожала реальная опасность подвергнуться пыткам в Египте в случае высылки, был подтвержден тем обстоятельством, когда непосредственно перед высылкой заявитель подвергся на территории государства-участника обращению, противоречащему, по меньшей мере, положениям статьи 16

²⁰ См., в частности, доклад Комитета против пыток Генеральной Ассамблее (A/51/44), пункты 180-222, и выводы и рекомендации Комитета по четвертому периодическому докладу Египта (CAT/C/CR/29/4, 23 декабря 2002 года).

Конвенции, со стороны иностранных агентов, действовавших с согласия полиции государства-участника. Из этого следует, что высылка заявителя была осуществлена государством-участником в нарушение статьи 3 Конвенции. Предоставление заверений на дипломатическом уровне, которые, помимо прочего, не предусматривают никакого механизма для обеспечения их соблюдения, являлось недостаточным для обеспечения защиты от этой явной опасности.

13.5 В свете этой оценки Комитет считает уместным отметить, что его решение по данному делу принято с учетом ряда фактов, которые не имелись в его распоряжении при рассмотрении во многом схожей жалобы Ханана Аттии²¹, когда, в частности, он счел представленные заверения удовлетворительными. В своем решении по указанному делу, учитывая тот факт, что заявитель не был выслан, Комитет принял во внимание информацию, представленную ему до момента принятия решения по вышеназванному делу. Комитет отмечает, что он не располагал конкретной информацией о жестоком обращении, представленной нынешним заявителем послу в ходе его первого посещения и не сопровождаемой Комитету государством-участником (см. пункт 14.10 ниже); информацией о жестоком обращении с заявителем сотрудниками иностранной разведслужбы на территории государства-участника, допущенного с согласия полиции государства-участника; о причастности иностранной разведслужбы к предоставлению и обеспечению возможностей для высылки; становившейся все более полной информацией о масштабах мер, принятых целым рядом государств с целью подвергнуть лиц, подозреваемых в причастности к терроризму, опасности применения к ним пыток за границей; информацией о нарушении Египтом элемента заверений, касающихся гарантии справедливого судебного разбирательства, что умаляет значение заверений в целом; а также информацией о неготовности египетских властей провести независимое расследование, несмотря на призывы самых высокопоставленных должностных лиц государства-участника. Кроме того, Комитет отмечает, что определение степени опасности в случае жены заявителя, высылка которой должна была иметь место через несколько лет после высылки заявителя, затрагивает вопросы, отличающиеся от вопросов в связи с рассматриваемым делом.

Процедурная оценка в соответствии со статьей 3

13.6 Комитет отмечает, что право на эффективное средство правовой защиты от нарушения Конвенции лежит в основе всей Конвенции, так как в противном случае защита, предоставляемая Конвенцией, стала бы в значительной степени иллюзорной. В некоторых случаях сама Конвенция устанавливает средства правовой защиты от

²¹ Там же.

отдельных нарушений Конвенции²², тогда как в других случаях Комитет давал тому или иному существенному положению толкование, согласно которому в самом этом положении содержится средство правовой защиты от его нарушения²³. По мнению Комитета, в целях последовательного укрепления защиты, предоставляемой рассматриваемой нормой, и понимания Конвенции запрещение высылки, предусмотренное в статье 3, должно истолковываться таким же образом как содержащее в самом себе средство правовой защиты от его нарушения, даже несмотря на то, что в своей формулировке оно может и не содержать такого права на средства правовой защиты от его нарушения.

13.7 Комитет отмечает, что в случае утверждений об имевших место пытках или жестоком бесчеловечном или унижающем достоинство обращении право на средства правовой защиты требует, после соответствующего события, проведения эффективного, независимого и беспристрастного расследования таких утверждений. Однако характер принципа невысылки таков, что утверждение о нарушении этой статьи связано с будущей высылкой или возвращением; соответственно, право на эффективное средство правовой защиты, закрепленное в статье 3, требует в данном контексте наличия возможности для эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра решения о высылке или возвращении после принятия этого решения, когда имеется достоверное утверждение, что по статье 3 возникают вопросы. Предшествующая правовая практика Комитета соответствует такому толкованию требований статьи 3: он признал, что невозможность оспорить решение о высылке в независимом органе, в данном случае в судах, имеет значение для установления факта нарушения статьи 3²⁴.

13.8 Комитет отмечает, что при нормальном ходе событий государство-участник предусматривает возможность - в форме Совета по вопросам иммиграции и Апелляционного совета по делам иностранцев - для пересмотра решения о высылке, выполняя требования статьи 3 в отношении эффективного, независимого и

²² См. статьи 12-14 в связи с утверждением о применении пыток.

²³ Дземайл против Югославии, дело № 161/2000, решение, принятое 21 ноября 2002 года, пункт 9.6: "Позитивные обязательства, вытекающие из первого предложения статьи 16 Конвенции, включают обязательство предоставлять средства правовой защиты и компенсацию лицам, пострадавшим в результате нарушения этого положения. Поэтому Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 16 Конвенции, не обеспечив для авторов жалобы возможность правовой защиты и не предоставив им справедливую и адекватную компенсацию".

²⁴ Аркауз Арана против Франции, дело № 63/1997, решение, принятое 9 ноября 1999 года, пункты 11.5 и 12.

беспристрастного пересмотра решения о высылке. Однако в настоящем деле, исходя из интересов государственной безопасности, эти судебные органы передали рассматриваемое дело правительству, которое приняло первое и сразу же окончательное решение о высылке заявителя. Комитет подчеркивает, что не существовало никакой возможности для какого бы то ни было пересмотра этого решения. Комитет напоминает о том, что предоставляемые Конвенцией виды защиты являются абсолютными, даже в контексте интересов национальной безопасности, и что такие соображения указывают на важное значение надлежащих механизмов пересмотра. Хотя интересы национальной безопасности могут требовать внесения корректировок в конкретную процедуру пересмотра, выбранный механизм должен по-прежнему удовлетворять требованиям статьи 3 в отношении эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра. Таким образом, в рассматриваемом случае, руководствуясь имеющейся в его распоряжении информацией, Комитет приходит к выводу о том, что отсутствие каких-либо возможностей для судебного или независимого административного пересмотра решения правительства о высылке заявителя не соответствует процедурному обязательству в отношении обеспечения эффективного, независимого и беспристрастного пересмотра, установленному в статье 3 Конвенции.

Нарушение предусмотренного статьей 22 права на подачу жалобы в Комитет

13.9 Кроме того, Комитет отмечает, что, сделав заявление по статье 22 Конвенции, государство-участник взяло на себя обязательство предоставить лицам, находящимся под его юрисдикцией, право обращаться с жалобами в Комитет. Полномочия Комитета включают право рекомендовать принятие временных мер, если это необходимо, для приостановки высылки и сохранения в неизменном виде существа рассматриваемого дела до принятия окончательного решения. Для того чтобы осуществление указанного права заявителя являлось реальным, а не иллюзорным, необходимо, чтобы заинтересованное лицо имело достаточный период времени до приведения в исполнение окончательного решения для рассмотрения целесообразности обращения и, в случае положительного ответа, фактического обращения в Комитет согласно положениям статьи 22. Однако в рассматриваемом случае Комитет отмечает, что заявитель был арестован и выслан государством-участником сразу же после принятия правительством решения о высылке, поскольку адвокат заявителя был официально уведомлен о принятом решении лишь на следующий день. Таким образом, заявитель не имел возможности рассмотреть вопрос о целесообразности использования положений статьи 22, не говоря уже о возможности обращения в Комитет. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 22 Конвенции, предусматривающие уважение закрепленного в ней конкретного права лиц на представление сообщений. Из этого следует, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 22

Конвенции, поскольку оно не представило Комитету соответствующую информацию и не сообщило ему о своих обеспокоенностях для принятия надлежащего процедурного решения.

14. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушениях государством-участником статей 3 и 22 Конвенции.

15. В соответствии с пунктом 5 правила 112 своих правил процедуры Комитет просит государство-участник сообщить ему в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых им в ответ на вышеизложенные мнения. Государство-участник также обязано не допускать впредь аналогичных нарушений.

[Принято на английском, испанском, русском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском и китайском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

**Особое мнение члена Комитета г-на Александра Яковлева
(частично несогласное)**

При всем уважении к моим коллегам, я выражаю несогласие с выводом большинства из них, касающимся вопросов по статье 3. Комитет справедливо определяет момент высылки в качестве основного этапа в хронологии событий для оценки обоснованности с точки зрения положений указанной статьи высылки заявителя. Как следует из принятого Комитетом решения, основной объем представленной ему информации касается событий, имевших место после высылки, которые могут лишь в незначительной степени касаться положения, имевшего место на момент высылки.

Совершенно очевидно, что государству-участнику было известно о своих обязательствах по статье 3 Конвенции, включая запрещение выдворения. Именно поэтому оно запросило правительство Египта представить заверения на высоком уровне в отношении надлежащего обращения с заявителем. Кроме того, столь авторитетный эксперт, как бывший Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках, г-н Ван Бовен, признал в своем докладе Комиссии по правам человека за 2002 год возможность использования таких заверений при определенных обстоятельствах, призывая государства предоставлять "недвусмысленные гарантии в отношении того, что лица, о которых идет речь, не будут подвергнуты пыткам или каким-либо иным формам жестокого обращения после их выдачи". Именно это было сделано государством-участником, однако теперь это ставится ему в вину Комитетом. На тот момент государство-участник имело право принять предоставленные заверения, а впоследствии оно приложило значительные усилия для последующей оценки ситуации в Египте. Вопрос о том, какое положение могло бы сложиться, если бы подобная ситуация повторилась вновь, в настоящее время не требует ответа. Однако представляется абсолютно очевидным, что в тот момент, когда государство-участник высылало заявителя, оно действовало добросовестно и с учетом требований статьи 3 Конвенции. Поэтому в данном случае я делаю вывод о том, что высылка заявителя не представляла собой нарушения статьи 3 Конвенции.

[подпись]

Александр Яковлев

[Принято на английском, испанском, русском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском и китайском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]
